

Борис
Неменский

.....
РАСПАХНИ ОКНО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

Мысли художника
об эстетическом воспитании

Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?

В. И. Ленин

Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека. Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы.

Л. И. Брежнев (Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС)

Было бы бессмысленно захватить власть, если бы мы не сделали людей счастливыми. Власть захватывается именно для того, чтобы дать счастье людям. Может быть, это чисто хозяйственный вопрос, может быть, мы ставим своей целью привести людей к свободе, чтобы они работали, не слишком утомляясь, чтобы имели кров, пищу, одежду — и это все? Конечно, нет. Разве человек живет для того, чтобы прозябать, чтобы каждый день надевать брюки, среди дня съедать кусок мяса, а вечером ложиться в постель? Нет. Все это только средство для того, чтобы добиться счастливой жизни.

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

80101 — 124
Н 078(02) — 74 В3—32—15—73

А. В. Луначарский

Я получаю много писем. Темы их схожи.

Передо мной одно из них:

«Тов. Б. М. Неменский! Я люблю искусство и читала Ваши статьи о его значении в жизни. Я верила, что это так и есть. Я даже собиралась идти в институт учиться искусству. Но оказалось, что средняя школа не дала мне знаний даже для начала учебы, даже для поступления в институт. Никаких! То, что я узнала самостоятельно, было настолько беспорядочно, что тоже не могло идти в счет.

И сейчас мне начинает казаться — не обманываетесь ли Вы, говоря о необходимости искусства для нашей жизни? Не обманываете ли Вы и себя и нас? Может быть, вы — писатели, музыканты, художники — в глубине души чувствуете, что то, чему вы посвятили жизнь, уходит из жизни, и, не желая сдаваться, цепляетесь за жизнь, отстаивая мертвое и никому не нужное дело?

Недавно яправляла праздник в кругу друзей. Меня спросили, кем я собираюсь стать. Я ответила, что хочу учиться прикладному искусству. Мне пришло объяснить, что это за искусство. И тут я услышала: «Раскрашивать тряпочки могут только люди низкого интеллекта. Человек нашего времени должен выбирать профессию более серьезную. Сейчас в век атома, химии, век покорения космоса, и заниматься раскрашиванием тряпочек — значит понапрасну тратить время стоять в стороне от жизни. Человек должен выбирать себе профессию, относящуюся к той или иной области науки или

техники, а если кто-нибудь не в состоянии не заниматься искусством, то пусть занимается им в свободное от работы время. Ему приятно, и никому вреда нет».

Таких высказываний я слышала много. Об этом говорили люди не только моего возраста, но и те, у кого большой жизненный опыт.

В школе у нас тоже уважали больше ребят, сбиравшихся посвятить жизнь науке. Учителя старались сделать их примером для подражания, а увлекающиеся гуманитарными науками как-то выпадали из их поля зрения. Почему так? Может быть, нам действительно не нужны люди, занимающиеся искусством?

Уроки рисования, музыки в общеобразовательной школе только числятся, но почти не ведутся. Такого предмета, как история искусства, и в помине нет, хотя школа общеобразовательная. Получается, что ребятам, идущим в художественно-гуманитарные вузы, почти никаких азов в общеобразовательной школе не дают. Ребятам же, идущим в технические вузы, дают необходимые основы... Я не хочу быть созерцателем жизни — хочу быть строителем. Но люблю искусство. Посоветуйте, как же мне быть?

Наташа КАЗАНЦЕВА».

Эта книга мой ответ на письмо Наташи, разговор со всеми, кого тревожит затронутая в нем проблема.

Вместо предисловия

Кто не знает успехов советской культуры?

Соха и луноход разделены между собой менее чем пятьдесятю годами. А в эти пятьдесят лет вошли ведь не только периоды мирного развития, но и войны гражданская и Отечественная, восстановление разрушенных городов, сел, заводов...

Но не только луноход веха на этом пути. Луноход — одно из следствий огромных социальных изменений, огромного подъема экономики и культуры нашего общества. Результаты этого подъема перед нашими глазами: на каждом шагу, в каждом доме, каждой семье.

И это не только ваша новая квартира, телевизор или автомашина — это выход народа на новые рубежи культуры. И пока не на всех рубежах есть свои луноходы, но новые рубежи есть! На них накапливаются силы для принципиально новых шагов.

Потребность в этих шагах созрела.

В начале строительства советской культуры все более широкие слои народа приобщались к элементарной грамоте, потом — ко все более высокому образованию. В ближайшие годы наша страна будет давать каждому гражданину полное среднее образование.

Каждому!

А дальше? Разве это предел?

В каком направлении должно пойти развитие нашей культуры дальше? Я не сомневалось — вглубь. К сожалению, на огромном поле нашей культуры еще достаточно огражд — быстрота «вспышки» приводила подчас к недостаточ-

ной глубине ее, к недостаточному «уходу» за «посевом». На пути в глубину культуры у нас еще много работы.

Борьба с проявлениями бескультурья очень часто посвящает статьи наша печать. Но не все можно решить и сделять с помощью газетных статей. В недостатках нужно серьезно разобраться и найти пути их кардинальной ликвидации, понять их характер, причины, смело взглянуть им в глаза.

Мы не сможем в этой книге коснуться всего. Поговорим о том, что особенно волнует меня, художника, — о слабой развитости у некоторой части подрастающего поколения чувств, эмоций, доходящей иногда до эмоционального невежества.

Не пересчур ли резко сказано? К тому же — откуда все это? Проглядили?

Нет. Не проглядили. Не все можно взять с ходу. Не все, как «предмет», можно «заучить» и «сдать». Нельзя, например, «выучить» азбуку чувств, грамоту эмоций.

Но можно воспитать свои чувства и стать в этом смысле эмоционально, душевно развитым, культурным, «грамотным».

Разве есть такая особая, эмоциональная грамотность, культура чувств?! Да! И еще какая важная для каждого человека, для всего народа!

Книга, которую вы сейчас развернули, — именно об этой стороне грамотности и невежества. В ней и информация, и раздумья. Ведь мы с вами — первоопроходцы коммунизма, первооткрыватели коммунистической культуры.

Кругом новые земли, неизведанные возможности и... опасности. Не только луга, поля и леса, но болота и овраги...

Не обратив вовремя внимания на овражек на пашне, можно потерять ее всю — размает.

Надо быть начеку. Надо размышлять.

Сейчас уже совершенно ясно, какой большой урон невежество чувств может причинить не только человеческим отношениям (а что в жизни общества находится вне человеческих отношений?), но и обществу в целом. Неразвитость чувств оборачивается неразвитостью мышления и сознания и сказывается на всем деле строительства нового общества*.

Писатель Э. Казакевич так сформулировал эту мысль: «То обстоятельство, что воображение, как и сознание, отстало

* Здесь и далее в книге подчеркнуто мною — Б. Н.

от знания... таит в себе великую опасность для человечества. Ум, разум, интеллект становятся чересчур высоко над чувством (или душой, как это называли в старину)...

Чувства, вышедшие из-под контроля разума, способны многое разрушить. Разум, вышедший из-под контроля чувств, способен разрушить вселенную».

Да, невежество чувств не менее опасно, чем невежество разума. В любой области развития человека оно чревато серьезным разладом личности, ее дисгармоничностью.

Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий, говорил Маркс.

Но невежество чувств само по себе не исчезнет. Его гораздо труднее преодолеть, чем безграмотность научную, техническую или даже художественную. Чувства, эмоции — самый глубинный, тонкий и сложный пласт человеческого мышления.

Да, именно мышления.

Раздумьям о том, зачем, как можно и нужно нашему обществу бороться с этим огнем на пашне нашей культуры, и посвящена эта книга. И если она поможет вам, читатель, осознать опасность однобокого развития мышления, буду рад.

Если она поможет нашупать пути к преодолению этой опасности — а сейчас уже вырисовываются реальные пути, — я буду счастлив!

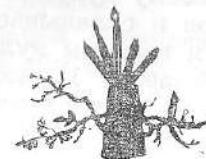
И если книжка эта поможет молодым людям почувствовать свою личную ответственность за будущее культуры нашего общества и встать в ряды борцов за его гармонию, книга сделает свою работу.

Ведь никогда в мире перед людьми не возникало как реальность — не как мечта, а как возможность — гармоническое развитие каждого человека. Каждого! Любому антагонистическому классовому обществу решение такой задачи было не только не нужно — опасно. Только нам, впервые в мире поставившим себе задачу построения развитого коммунистического общества, решение этой задачи и необходимо и по плечу.

Ведь только гармонически развитый человек сможет завершить строительство коммунистического общества и жить в нем.

Мерой будущего

Очередь.

Люди подходят в одиночку, группами и встают в очередь. И таких очередей с каждым годом все больше, они растут, становятся длиннее. Нас это раздует? Очень!

Когда-то были очереди печальные — нам недоставало самого необходимого — еды, одежды... Разве будешь в такое время выставивать долгие часы за тем, в чем нет острой необходимости?

О тех очередях мы забыли.

Но появились новые. И мы радуемся им!.. Более того, мы печалимся, что еще не все люди становятся в эти очереди. Очень печалимся.

Очередь в Третьяковскую галерею. Очередь в Эрмитаж и другие музеи, на выставки старого и со-

временного искусства. Очереди за билетами на концерты, спектакли, лучшие фильмы. Очереди за новыми книгами... Музейный, театральный взрыв... Взрыв стремления к культуре. Все эти очереди радостные! Радостные потому, что, становясь в них, люди делают шаг к своему духовному совершенствованию. Из таких шагов и складывается поступательное движение народа к высотам культуры, которыми непременно нужно овладеть. И овладеть не отдельным людям, а всем, каждому члену нашего общества. Только тогда эстетическое начало и сможет одухотворить труд, украсить быт и облагородить человека.

И тут не может быть компромиссов.

Было время, когда нас радовала каждая новая школа, новый вуз, новый человек, взявший в руки букварь, каждый новый специалист, получивший высшее образование.

Радует и сейчас.

Но теперь нам этого мало.

**МЕРА ПРОШЛОГО –
НЕ МЕРА БУДУЩЕГО** Все познается в сравнении. Было время, когда свои успехи в развитии техники и культуры мы оценивали уровнем техники и культуры старой России. Мерили прошлым...

«...Ходили босыми, ничего не было у нас. Я надевала ботинки отца, когда шла в школу. У меня ножка была малюсенькая, а у папы огромная. Я веревкой подвязывала и ходила... И доску с собой тащила, потому что через болото нужно было идти. Какая культура у нас была? Да никакой. Пение слышали в церкви, а музыка, как в любой деревне, — гармонь да пастуший рожок.

Поэтому, когда я приезжаю в Белоруссию, с вос-

торгом отмечаю великие перемены в жизни этого народа».

Это из интервью Нади Леже, белоруски, жены известного французского художника Леже.

Нам понятны и приятны восторженные впечатления всех наших друзей.

Но ведь критерий, соотносящий сегодняшний успех только с далеким прошлым, уже не может вести вперед. Даже сравнение с высокоразвитыми капиталистическими странами — тоже в чем-то мера прошлого. Свой путь мы можем и должны, наверное, мерить иной мерой — будущим. Только эта мера и соответствует стремительному развитию нашего общества. Сравнивать свои дела мы должны не только с тем, что было, но и с тем, что должно быть.

Нас радует быстрый духовный рост нашего народа, радует изменение отношения к искусству. Мы с удовольствием отмечаем, как увеличивается число людей, стремящихся приобщиться к самым сложным и высоким явлениям человеческой культуры. Конечно, резкий материальный скачок, скачок «обеспеченности» в чем-то опережает рост духовной культуры отдельных людей, и происходящий на этой почве потребительский бум явно несет не только плюсы, но и минусы.

Но все же для нас, для нашей культуры очередь в музеи органичнее очереди за гарнитурами, сапожками и прочей «рухлядью». Большинство народа тягнется к культуре. И это закономерный результат нашего общественного развития. Но... будущему, пожалуй, все же нужно, чтобы не только большинство, а весь народ, до единого человека, был приобщен к культуре, к духовному богатству и мудрости, веками накопленными искусством.

Нас радуют замечательные плоды наших усилий в образовании — среднем и высшем. Эти плоды нашли всемирное признание. Мы ими гордимся — по сравнению с прошлым. А по сравнению с будущим?

наш критерий Такой ли уровень образования и культуры должен быть в развитом коммунистическом обществе? Достаточен ли он сейчас?

Я уверен, если каждое явление нашей жизни мы будем проверять такой мерой: помогает ли оно делу строительства коммунизма, — то многое встанет на место и более ясно определится.

Приложим, например, эту меру к очереди на художественную выставку — подходит! Приложим эту меру к компании, играющей целыми днями в домино или в карты (в доме ли отдыха, во дворе или после работы) — нет, что-то не очень подходит... Особенно когда на столе появляются одна за другой бутылки спиртного, появляются деньги и разговор уснащается тем фольклором, который не принято приводить в печати.

САМОРАСТРАТЧИКИ Признаемся себе — встречается такое. Да не так уж и редко. Имеем ли мы право так растрачивать жизнь? Имеем ли право «убивать время» за картами, водкой, в погоне за модными тряпками? Ведь «убивается» не только время — капля за каплей убивается в человеке Человек.

А если мы видим, что подобные явления чужды нашему критерию жизни, не поискать ли причины, их вызывающие, не постараться ли выяснить, в чем корень зла? Весь такие явления — камни прошлого, лежащие на пути к светлому будущему.

Обращение некоторых людей во время своего досуга (а ведь мы стремимся, чтобы свободного времени становилось все больше) не к роднику подлинной культуры, а к мутному источнику спиртного, карточного и прочего дурмана — свидетельство какого-то нашего серьезного упущения. Это явное отклонение с пути в будущее.

Но где и когда же произошло это отклонение, где мы недоглядели?

У ИСТОКОВ

Человек «слепнет», принимая «на слово» видимое, человечество разучилось ощущать сущности, поступающие через глаза... И то, что ребенок благодаря, может быть, спасительному атавизму еще способен воспринимать «страннысти», «расхожести» предметов, — то с первых шагов общеобразовательных школ прогоняется, заменяется «умозрением жизни».

К. С. Петров-Водкин

ПЯТЬ ЧУВСТВ

— А почему, дяденька, вы рисуете снег голубой?

- А какой же он?
- Белый!
- В тени или на солнце?
- Везде белый.
- И никакой разницы?
- Нет, в тени темнее.
- Темнее? Но какого же цвета?
- Ну, сероватый.
- Сравни цвет снега на солнце и в тени. Неужели

не видишь, что в тени он голубой, а на солнце розоватый, золотой?

— Нет, он везде белый. Ведь это снег, и все знают, что он белый, а вы, дядя, выдумываете.

Симфония красок! Нюансы, игра света и цвета! Может быть, все это выдумано? Или это массовый дальтонизм?

Неужели ребята лишены той огромной радости и наслаждения, которые дают нам ощущение красоты и богатства жизни? Неужели для них снег всегда белый — и только, трава — зеленая, асфальт — серый, вода — мокрая?.. Неужели они навек обречены на такую бедность в своем восприятии мира?

Истинное счастье — счастье разделенное. Неужели нельзя наслаждение красками жизни разделить с каждым — и с этими ребятами?

Да, но как... как, если в этом оказались бессильны и Репин, и Левитан, и Коровин? Как случилось, что труд многих поколений — и гениев искусства, и рядовых его тружеников — не принес плодов для этих ребят?

...Шофер такси, молодой парень, из-под полы, ухмыляясь, показывает мне репродукцию Венеры — знаменитой джорджониевской Венеры.

— Ха, голая баба!

Парень окончил десять классов, пытался поступить в институт, но не попал. Пока — шофером.

Почему так случилось, что для него, «образованного человека» (десять классов — полное среднее образование!), «Спящая Венера» — всеми признанный образец целомудренной красоты — попала в ряд порнографических открыток?

Бедный Джорджоне!

А может быть, не Джорджоне? Может быть, это парень — бедный? Может быть, непонимание того, что

шедевр итальянского художника способен вызвать не пошлые мысли, а восторг перед человеческой красотой, может быть, это — бедность души? Ведь искусство не только красота внешних форм природы, но и красота и сила духа человека, его мысли.

Рембрандт и Леонардо да Винчи, Рублев и Гойя, Верmeer и Врубель, Репин и Ци Бай-ши, Ренуар и Кустодиев, Боттичелли и Нестеров, Корин и Маруки — сколько веков, народов, какое богатство мыслей, чувств, какой гигантский опыт человечества!

«...Жалок был бы круг наших представлений, если бы мы были предоставлены только своим личным пяти чувствам и мозг наш перерабатывал бы только пищу, ими добытую. Часто один мощный художественный образ влагает в нашу душу более, чем добыто многими годами жизни; мы сознаем, что лучшая и драгоценнейшая часть нашего «я» принадлежит не нам, а тому духовному молоку, к которому приближает нас мощная рука творчества».

Да, что бы мы были без этого «духовного молока»? Прав, тысячу раз прав замечательный русский писатель Гаршин, автор этих строк.

Но всегда ли мы черпаем свои представления из этого мощного и чистого родника? К великому сожалению, нет!

Как же получается, что искусство, такой важнейший источник духовной культуры, оказывается скрытым от многих наших юношей и девушек, вступающих в жизнь?

— Ну-ка, Толик, покажи свой
КАПЛЯ ЗА КАПЛЕЙ дневник.

— По математике — «пять», по русскому — «пять», по рисованию — «три», по пению — «три», — говорит смущенно мальчик.

— Молодец, сынок. Отличник. А рисование и му-

зыка — это не главное. Так и учительница твоя говорит, — довольный отец гладит мальчишку по стрижёной голове. — Ты у меня будешь грамотным мальчиком!»

— У нас сегодня урок рисования?

— Нет, ребята. Сегодня мы будем заниматься математикой. В прошлый раз мы не успели пройти все, что нужно.

— А рисование когда же? Так хочется...

— В другой раз, ребята, когда в главном будем успевать.

А потом:

— Толя, ты пойдешь на выставку?

— На какую?

— На художественную.

— А чего я там не видел. Какой толк эти картины смотреть?!

Так не бывает?

Позвольте привести еще пример — проведенную в одной сельской школе анкету.

1. Назови известных тебе русских художников и их произведения.

— Никого не знаю.

2. Кого из композиторов ты знаешь? Какие их произведения любишь?

— Не знаю, не люблю.

3. Бывал ли в театре?

— Нет.

4. Бывал ли в картинной галерее?

— Нет.

5. Твое отношение к оперной и симфонической музыке?

— Никакого отношения.

6. Твое любимое занятие.

— Ходить в кино».

Это уже не фантазия.

Передо мной высокая стопка вырванных из тетрадей листов. Листы в линейку, в клеточку... Разные почерки, разные фамилии и имена, разные номера школ... Разные даже классы — 5-й и 7-й. И страшные своим однообразием ответы. Подумайте только, что пишут эти дети: «Ни одного художника не знаю, ни одной картины не видел», «никаких не знаю», «не знаю ничего», «никаких оперных композиторов не знаю»... «нет», «нет», «ле знаю», «не понимаю», «не люблю», «музыку слушать не люблю»... И это из листка в листок. А их много. Много не листков, а душ детей, душ человеческих... Эти анкеты взяты, конечно, не из московских и ленинградских школ. Но это, к сожалению, и не исключительное явление.

Дети придут в аудитории институтов, в цеха заводов, на фермы, а затем станут руководителями предприятий, мастерами своего дела, рабочими, колхозниками, учеными. Станут и педагогами...

Вот разговор с одним из таких педагогов:

«Ох! Никак я Вас убедить не могу. Приходите к нам на кафедру, на ученый совет — у нас все люди здравомыслящие — я ручаюсь, что ни один человек не поддержит Вас! Мне даже не верится, что Вы искренне отводите большую роль искусству в современной жизни. Признайтесь, Вы просто отстаиваете «честь мундира». Поймите, в наш век человека культурного, передового создает физика и математика, искусство нужно... постольку поскольку! Посмотрите внимательно на жизнь. Все, что Вас окружает, чем Вы питаетесь, во что одеваетесь, даже чем восхищаетесь, — все это дает Вам наука!

Я встречал многих людей, мечтавших дожить до того, как человек полетит на Луну, на Марс, но я не

встречал нормальных людей, может быть, кроме художников, мечтавших не умереть, не увидев новую картину, не услышав новую симфонию!

Да поймите же, наконец, люди спокойно живут и будут жить без Вашего искусства, а Вы без нашей физики и минуты бы не просуществовали!

Физика и труд — это основа жизни и культуры нашего века, а искусство — это бутафория!

Поймите и поверьте мне. Я прожил большую жизнь, я до шестнадцати лет коров пас, и вот стал педагогом, руководжу факультетом. Я типичный представитель подавляющего большинства советской интеллигенции, мы плоть от плоти, кость от кости народа. Нам можно верить, и в воспитании новых кадров интеллигенции мы не пойдем на поводу у Вас. Поймите, все Ваше искусство — это бутафория в жизни».

Вот так настойчиво убеждал меня несколько лет назад один очень уважаемый человек, доцент, бывший в то время деканом художественно-графического факультета одного крупного пединститута, призванный воспитывать учителей рисования. Это, конечно, не стенограмма. Это изложение беседы. Но мой оппонент был настолько убежден в своей правоте, что разрешил привести наш разговор в печати.

Я не знаю, читали ли когда-нибудь этот товарищ и его единомышленники труды идеологов философии техницизма, ибо отнюдь не марксистской философией веет от их рассуждений. Возможно, и не читали. Но я уверен, что и он, и многие другие наши специалисты, сознательно не интересующиеся искусством, не понимают, как много все же дало им именно искусство! Мы не замечаем, что окружены дыханием искусства даже помимо своей воли. С колыбельной песенки матери, с вышивки на ее кофточке, с первой

же игрушки мы приобщаемся к искусству. Вся жизнь наша в большей или меньшей степени связана с «духовным молоком» искусства, получаемым или из первых рук, от лучших его проявлений, или из десятых рук. Из десятых рук, правда, молоко это приобретает характер мутной водички, зачастую с тухлинкой. А за такую «диету» жизнь людям мстит.

СМЕХ СКРОЗЬ СЛЕЗЫ «Уважаемый товарищ редактор, Ваша газета напечатала статью художника Б. Неменского под названием «Я прочитал письмо другу», в которой он доказывает, что нагая женщина на полотне вызывает священный восторг своей нагой женской красотой. Если действительно это было так, как воображает себе товарищ Неменский, тогда женщины могли бы и в жизни выставлять всем напоказ свою наготу, и она бы вызывала к себе священный восторг, потому что то самое впечатление, которое вызывает нагая женщина на картине, она должна вызывать и в жизни.

Но ведь всем хорошо известно, что женская нагота в жизни вызывает только стыд и срам, и никакого священного восторга здесь не получается. На каком же основании товарищ Неменский в женской красоте на картине ищет священный восторг, если действительная жизнь этому противоречит?

И на картине, и в жизни нарядная и красиво одетая женщина вызывает к себе уважение, будит к себе прекрасные и благородные чувства и приносит огромное эстетическое удовлетворение своей нарядной и красивой одеждой. Нагая женщина удовлетворяет эстетические вкусы только богатых бездельников; праздная жизнь, которую они ведут, испортила их эстетические вкусы, как эта праздная жизнь портит человека во всем. Очень печально, что в нашей среде находятся такие деятели искусства, как товарищ Неменский,

который в своей статье пропагандирует испорченные вкусы богатых бездельников.

С уважением — Липченко, г. Тбилиси».

Липченко — человек с твердыми, вполне сложившимися взглядами. Только передовые ли это взгляды, наши ли? Не попахивает ли это пошлостью воинствующего мещанина, вкусами купцов, ханжеством средневековья?

«Грешное тело... Стыд, срам!
Смешно... Смешно ли?

Такое отношение к красоте сказывается не только на понимании искусства, но влияет и на развитие человеческих отношений.

«Дорогая редакция! Я живу в селе Михайловка, на Кавказе. Моя фамилия Костенко Дмитрий Степанович. Работаю в этом селе на складе бойцом пожарной охраны. Один раз я попал в Ставрополь. Зашел в «Книготорг» и купил там репродукцию с картины «Несс и Деянира», подлинник которой хранится в Государственном Эрмитаже. Так вот какая история произошла с этой картиной.

Я принес ее домой, вставил в рамку, отнес на склад и повесил в гараже на стене. Увидел ее капитан и сказал, что такие картины нельзя держать на производстве. А после работы состоялось собрание. И что Вы думаете? Как эту картину охарактеризовали? Будто я советскую женщину унизил, ее достоинство поставил к жеребцу-производителю и то, что эта картина не советская, а антисоветская — и записали мне в протокол антисоветский выпад. Так я попал к начальнику, и он взял эту картину и сказал, что пусть она останется у него до выяснения. Так я вынужден был Вам написать, а то как собрание, так меня задевают этой картиной. Дорогая редакция, извините меня за

мою неграмотность и помогите мне выйти из такого затруднения».

Могут сказать, что весь этот коллектив и его начальник не специалисты, люди, не обязанные разбираться в искусстве. Но почему «простые» рабочие люди «не должны» разбираться в искусстве? Ведь искусство принадлежит народу! Это его хозяйство.

К тому же так смотрят на искусство зачастую и учителя, и даже руководители и преподаватели педагогических институтов.

«Неподобающие мысли» Вот что произошло однажды в Краснодаре, где в коридоре педагогического института были выставлены слепки с греческих скульптур: «Венера Милосская», «Гермес», «Дионис» и др.

«Так как античные статуи — изображения здоровых и красивых людей преимущественно в обнаженном и полуобнаженном виде, — пишет заведующий кафедрой живописи и рисунка тов. Беда, — то некоторые преподаватели нашего педагогического института сочли это безнравственным, а декан естественного факультета Федор Алексеевич Вальков даже назвал меня «рассадником безнравственности» и с большим скандалом заставил убрать статуи. Он говорил, что студенты будут собираться толпой, будут хихикать возле скульптур, а девушки... сбегут из института».

Когда же редакция «Комсомольской правды» спросила тов. Валькова, чем вызвана столь странная реакция на произведения искусства, он ответил: «Тут дело в том, что они — обнаженные — знаете ли... в институте, у всех на виду!» Неприлично! Случайность? Случайно напали на одного некультурного декана, на одного некультурного педагога? Но даже если предположить, что в Краснодаре такой был только один, то

его духовные собратья нашлись в другом педагогическом институте, в другом городе.

Вот что писали в газету «Известия» студенты Смоленского педагогического института: «Привезенные в институт слепки с античной статуи «Венеры Милосской» и «Умирающего раба» Микеланджело, которые были поставлены в коридоре института, администрация приказала убрать якобы для того, чтобы студенты других факультетов не смущались при виде обнаженного тела, которое может вызвать у них не подобающие будущему педагогу мысли».

Итак, это не единичное явление. И дело тут не только в том, что люди не понимают красоты, видят в обнаженном человеческом теле лишь «стыд и срам». Несомненно, что все это связано с отношением к жизни, к женщине, к семье, к детям — с человеческими отношениями; это связано с тем, без чего ни одно общество развиваться не может, — с культурой чувств, с духовной культурой. И злоключения «венер» — только юмористический аспект серьезной общественной проблемы.

Жизнь без искусства

Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.

В. И. Ленин (по воспоминаниям
К. Цеткин)

«Меня убедили, и я понял, что нужнее быть инженером. В настоящем обществе больше ценят человека, если он умеет починить радиоприемник или автомата, чем человека, который знает наизусть стихи Шину, чем человека, который знает наизусть музыку Чайковского Пушкина или может отличить музыку Чайковского от музыки Бетховена и Шопена», — пишет служащий Пехтерев.

«Если говорить прямо, то без искусства можно все-таки жить, но без одежды, хлеба и крова жить не будешь. Искусство — это, как говорится, надстройка, базис же создается трудом простых людей, специалистов. Следовательно, в первую очередь нужно ценить чело-

века за его труд, ценить как специалиста. И кому какое дело, упивается ли он музыкой Бетховена, плачет ли он над «Оводом», сходит ли с ума при чтении Гёте» (агроном Власюк).

«Мы живем творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорией экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека без остатка. Некогда восклицать: «Ах, Бах!», «Ох, Блок!». Конечно, они устарели и стали не в рост с жизнью. Хотим мы этого или нет, они стали досугом, развлечением, а не жизнью. Оставим же искусство для любителей и желающих» — так написал в свое время в ходе дискуссии «физиков» и «лириков» инженер Полетаев. Это был юмористический парадокс, но прозвучал он как четкое выражение определенной, прочно бытующей в среде технической интелигенции идеи. Недаром именно эти слова стали известны, всесоюзно прославив Полетаева. Но хотя слова Полетаева и воспринимаются как синоним полной философской безграмотности, они были восприняты как лозунг, призыв, руководство к действию, и не столь уж бездейственное... Откуда это?

Вспомним: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации... Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 4).

Да, наследие...

Проклятое капиталистическое наследие.

Отсюда и детское: «не видел», «не слышал», «не знаю», «не понимаю», «не люблю». Отсюда и взрослое: «не обязательно», «не нужно все это знать, понимать,

любить», «без этого можно прожить», «все это чепуха, бутафория».

А не связано ли с этим такого рода бутафория?

Маленькая выписка: «Скажите, что вы делали вчера вечером у окна?» Унизительные вопросы заставили Галю разрыдаться. Однако следствие продолжалось. Гале было предложено дать объяснение в письменном виде, нечто вроде: «Восьмого ноября вечером занималась тем, что целовалась».

«Да как посмели воспитатели, руководители, отвечающие за душу человека, так оскорбить человеческое достоинство? — писала в «Литературную газету» тов. Кучина. — Откуда этот педагогический цинизм?»

«В наш век физика, а не поэзия учит человека мечте», «Поэзия математических уравнений современное поэзии Ромео и Джульетты» и т. д. Все это звучит «ново», «современно», «увлекающе»...

Ну а как быть с Галей, с ее чувствами?

В газетах иногда появляются статьи о преследованиях современных Ромео и Джульетт, преследованиях родителями, учителями, деканами, общими собраниями... Любовь — большое, сложное, подлинно человеческое чувство, требующее чуткости и тактичности, для некоторых является почему-то синонимом аморального поступка: любовь, как и тело свое, надо, мол, таить от людей...

Век двадцатый! Межпланетные корабли — и... средневековое ханжество.

Но это лишь одна грань.

А вот другая. В своей статье в «Комсомольской правде» тов. Блинников рассказал один случай. Парень вступился за девушку, которой ее «друг» хотел

отомстить за потерю чувства к нему, и пострадал — его порезали и избили. «Поступок Черношея, вступившегося за девушку, не только не встретил одобрения со стороны некоторых жителей Речицы, а, наоборот, выглядит в их глазах никому не нужным донкихотством... Где причина такому странному смещению акцентов в моральной оценке происшедшего?» — спрашивает автор статьи. И действительно, ведь и сами парни, избившие этого «наивного» Черношея, имеют безупречную рабочую и школьную биографию. Действительно, почему они стали разрешать «вечный» конфликт таким вот первобытным методом?»

Да, именно первобытным!

«Пробелы в нравственном воспитании быстро заполняются доморощенной моралью, далеко не лучшими традициями. Самый большой вред такой «окраинной морали» — в ее пренебрежении к человеческому достоинству», — заключает Блинников.

Но ведь уважение к силе кулака и пренебрежение к человеческому достоинству и есть первобытная мораль.

Откуда же она взялась в наш век, в передовом обществе, поставившем задачу построить самые высокие — коммунистические человеческие отношения?

«Беседы с обвиняемыми показали, что люди эти были нравственно абсолютно безграмотными, беспомощными. Я не об уровне их образования говорю, оно-то как раз было подчас достаточно высоким: восемь классов, десятилетка... Парни эти не могли, не умели дать нравственную оценку ни своему поведению, ни поведению своих товарищней!!!» Это уже из другой статьи, из другой газеты, другого автора, о другом событии... («Литературная газета» от 21 июня 1972 года, «Слагаемые одного преступления»), а как будто все о том же.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НЕВЕЖЕСТВО

«Обратили мы внимание, — пишут авторы статьи, — на... чрезвычайную, как выражаются психологи, «эмоциональную тупость». Речь идет о неспособности сопереживать. Элементарное, казалось бы, представление, что другому может быть плохо, страшно, больно, что другой способен, как и ты, мучиться, страдать, у них отсутствовало. Ни разу не обеспокоила их мысль о горе родных и близких...»

И вполне справедлив вывод авторов статьи: «Подростки эти, получив какое-то рациональное воспитание, начисто были лишены крайне важного — эмоционального».

А откуда этому эмоциональному развитию взяться? Ведь получить его можно было прежде всего в детстве и юности, и именно через большое искусство — через самые его высокие образцы. Ведь именно в нем накоплен эмоциональный опыт человечества. А если освоение его не началось в школе (почти повсеместно) и дома (очень часто), почти наверняка не проникнет он и в нашу жизнь.

И эмоциональная глухота проявится не только в первобытности морали (то есть как глухота, примитивность в мире чувств и человеческих взаимоотношений), но и в отношении ко всей жизни общества.

И действительно, что тогда тебе горе избиваемой девушки (ведь не тебя бьют) или еще более далекой девушки — в Хиросиме, умирающей от лучевой болезни... Ты уже никогда не научишься сопереживать...

«Комсомольская правда» 29 февраля 1972 года («Зайцевы», Е. Лосото) поместила очень интересный анализ жизни одной студенческой, рабочей семьи — очень хороших производственников.

«Здесь не видно ни одной художественной книги — ни своей, ни библиотечной. «Зато технических — тонна!» Действительно, специальных справочников много».

«Гаяя «забыла, когда художественную книгу в руки брала», забыла, что написал Лев Толстой, из Пушкина помнит только «Сказку о Золотой рыбке».

Не будем торопиться осуждать Зайцевы, — справедливо замечает автор статьи, — не подготовлены семья и нынешним окружением к восприятию культурных ценностей. Это не вина их, а беда. Никто (по данным библиотеки) из студентов трех групп, в которых они учатся, не читает русской классики. Ни Толстого, ни Достоевского, ни Чехова... А потому им, не привыкшим к серьезному чтению с детства, не у кого перенять такую привычку...»

И действительно, откуда, если даже в Челябинском политехническом институте — «самый интеллектуальный вуз города! — 78 процентов первокурсников, например, не пользуются абонементом на художественную литературу».

И, наверное, не так уж случайно, что «некоторые учебные дисциплины семья Зайцевых сдает с трудом. Это общественные науки. Кстати, многим студентам института, по свидетельству декана факультета электрификации.., труднее всего даются именно общественные науки.

В прошлом году Люда была политинформатором в группе. Но та же Люда не знает, в какой стране находится Хиросима и что произошло в Хиросиме в 1945 году...».

Ни этические, ни политические знания и представления не закрепляются в личности человека, в его подлинных интересах и поведении, не проходя через мир эмоций. Не закрепляются, как можно

убедиться на примере Зайцевых, даже художественные знания (ведь Пушкина и Толстого «проходили» в школе), если они не проведены через чувства. (Как мало мы учитываем это в преподавании литературы и искусства в средней школе!)

«В погоне за прямыми, сегодняшними (весьма существенными, кто спорит?) надобностями мы в течение уже долгих лет не замечаем, что в вопросах воспитания новых поколений существует некий крен от наук общественных и гуманитарных в сторону наук точных. По-видимому, на каком-то этапе развития общества это, увы, неизбежно... В их числе — уродливости мелкие, вроде разделения наук на «профессионализирующие» и «непрофессионализирующие». Среди них и уродливости куда более существенные, результативные — возникновение у немалой части подрастающего поколения пренебрежительно-невежественного отношения к тому кругу наук, на базе которых в значительной мере родилось и созрело мировоззрение нашего общества и нашей страны. Иначе говоря — тенденция к воспитанию части завтрашнего человечества в условиях гуманитарного вакуума». Так пишет Лев Успенский в своей статье «Честь и место на шумном пиру знаний» («Литературная газета» от 1 апреля 1970 года).

Мир политики, мир производства, мир науки, мир личных чувств распадается на не связанные друг с другом мирки, разрывая, коверкая как цельность личности, так и ее представления об окружающем мире.

Какая уж тут гармония!

И прав был киевский математик Г. Д. Суворов, когда, выступая в Академии педагогических наук, говорил: «Наше время — время исключительного дробления наук, время их крайней специализации. Возни-

кает «угроза Вавилонской башни». Только искусство, дополняя науки естественные и гуманитарные, проецируя весь мир в человека, только оно и сможет сообщить целостность восприятия мира современному человеку. Искусству замены нет».

Да, замены нет...

Я привел тут только несколько примеров происходящего у нас на глазах перекоса, попыток построить культуру человека, вычеркнув культуру чувств.

Я показал, как это отражается на духовном мире человека. Но это не может не отражаться и на понимании людьми искусства, а значит, и на развитии его.

ПРИМИТИВИЗАЦИЯ

Разрешите вернуться к разговору с тем же деканом (см. стр.22) и к его пониманию, кстати, очень распространенному, задач искусства. Цитирую почти буквально:

«Так Вы же, товарищ Неменский, противоречите сами себе! Вы же сами утверждаете, что искусство должно воспитывать! А эта картина — чему она учит? Бескультурью. Вы говорите, что картина изображает учительницу, всю ночь просидевшую за ребячими тетрадями и задумавшуюся о своих учениках, о тех, кому она отдала жизнь. Возможно. Но Вы не замечаете самого главного в картине — учительница сидит на койке и курит папиросу! Разве этому она учит своих детей? Ей еще пол-литра не хватает! Мы же их учим не курить, не плевать, не садиться на постель. Подумайте, что сделала бы настоящая учительница со школьником в интернате, если бы он сел на постель! Картина должна учить правильному поведению в жизни, учить культуре! Вот если бы в своей картине молодой художник осудил это ее некультурное поведение, то такую картину еще можно было бы понять и выставлять! Нет, такие работы советскому народу не

нужны! Я бы запретил выставлять в музеях такие работы, чтобы они не дезориентировали молодежь».

Нужны ли здесь комментарии?

Я взял для примера не шедевр — первую картину, диплом молодого художника. Но в спорах, возникших вокруг этой картины, как в капле воды, отражаются взгляды на искусство, еще бытующие у нас, особенно, к сожалению, в педагогической среде. Цель картины часто понимается как создание наглядного пособия правильного поведения, как «художественно оформленная» инструкция. Не сложных духовных образов, не раскрытия переживаний тонких, во многом противоречивых, ищем мы часто в искусстве. Мы ждем от него образов ясных, односложных, как новые пьесы.

Однако примитивное понимание искусства выражается и в формах гораздо более тонких, а оттого наносящих еще больший вред развитию искусства, развитию культуры народа. Не буду говорить здесь о позициях людей, сознательно или бессознательно эстетствующих, мечтающих об искусстве «чистой», «прекрасной» формы, из которого как «чуждая искусству литература» вытравлено живое человеческое содержание. С их точки зрения, не только подобные картины, но часто и все изобразительное искусство «не современно и не нужно народу».

ПОДЛИННАЯ СИЛА РЕАЛИЗМА Но есть еще одна позиция, которая, не отвергая реализма теоретически, настолько сужает круг мыслей и чувств реалистического искусства, что делает его примитивным и бескрылым. Всякая сложная мысль, сложное чувство, сложная пластика, всякий конфликт, который не может найти положительного и назидательного разрешения на холсте, оказываются при таком подходе за рамками искусства, объявляются чем-

то чуждым. Такая точка зрения ограничивает кругозор нашего искусства, принижает его творческие возможности и, что еще более важно, ослабляет силу его воздействия на зрителей, его воспитательное значение.

Я мог бы привести для примера разбор с этих позиций многих картин виднейших советских художников, часто противоположных по творческим устремлениям (а они подвергались подобной критике). Достаточно назвать трех: Корина, Пластова, Пименова. В несерьезности, незначимости тематики обвиняли тонкие, лирические вещи Ю. Пименова, раскрывающие поэзию «обычного», именно сегодняшнего дня жизни. В них не видели острого социального подтекста, считали их как бы уходом от больших проблем современности, от ее романтики. Острое поэтическое открытие современности в этих работах зрители увидели и восприняли как личную радость.

Не яркое ощущение привязанности к родной земле видели многие критики в работах А. Пластова, а бескрылость, воспевание устаревшего быта... А как это ощущение связи с землей оказалось нужным народу именно теперь, именно в урбанистически-машинный век. Оно помогает почувствовать под ногами не абстрактный асфальт, а почву родной страны. Ведь так естественна эта потребность человека, желающего ощутить себя звеном в цепи поколений своего народа. И не последней марки трактор или дом-аквариум, такой же в принципе как в СССР, так и в Польше и в Японии, могут ответить на эту потребность.

Пластов всеми силами души ощутил эту потребность раньше многих.

Или этюды П. Корина к циклу «Русь уходящая». Для меня эти картины являются одним из самых ярких раскрытий в нашем искусстве атмосферы пре-

дельного накала чувств, страстей в борьбе первых послереволюционных лет. Очень оптимистичные работы! Столкнулись две огромные силици. И если такой силой ума, мужества, характера обладали представители враждебного нам лагеря — лагеря побежденного, то каким же уровнем страсти, мужества, ума должны были обладать те, кто победил! Смотря на эти картины, я ощущал не только накал борьбы тех лет, но и заложенную, очевидно, в русском характере истовость в борьбе, способность к полной самоотдаче. Как эта черта характера народа помогла победить в Великой Отечественной войне!

А ведь венцы эти и до сих пор иногда считают лишенными необходимого нашему обществу содержания.

Мы часто забываем, что истинный реализм много-гранен, как сама жизнь, наполнен всеми мыслями и чувствами современников. И не обязательно только радостными и позитивными. Глубоко заблуждаются те, кто думает, что у человека социалистического общества атрофировались или должны атрофироваться все чувства, кроме бодрости, мужества, радости...

Нет! Искусство не может быть полнокровным, будучи односторонним. Не может в этом случае оно быть реалистическим.

Что такое оптимизм? Надо признать, что понимание оптимизма и пессимизма в искусстве в революционной и в обычательской среде всегда было разным. Стремление через искусство создать у зрителя настроение успокоенности, благополучия, пощекотав иногда его нервы борьбой, страстью, но показав, как в итоге добро без особых трудов и потерь побеждает зло и в мире воцаряется благополучие — воцаряется и без его (твоего!) личного участия, помочи — таким всегда было про-

явление в искусстве обычательского мировосприятия.

На таких основах строится и отупляющее воспитание средствами так называемой «массовой культуры» в капиталистическом обществе (к этому явлению мы вернемся позже). Но революционному искусству любой эпохи, любого народа самоуспокоенность никогда не была свойственна.

Поэт я, дети, в жизни такое есть призванье,
Томиться в каждой жажде, быть болью в каждой ране.

(Андреас Олой Бланко, «Исповедь»).

Неужели мы забываем, что оптимизм — тоже понятие классовое? И то, от чего приходит человек в оптимистическое, бодрое состояние — это глубинное, может быть, наиболее искреннее проявление его мировоззренческих позиций.

Теоретически тут, конечно, разрешить все проще. Но когда встречаешься с живым, да еще колючим, еще необычным (а каким же может быть новое?) произведением...

Интересно сказал об этом известный итальянский режиссер Висконти, отвечая своим оппонентам на критику фильма «Рокко и его братья». Он убежденно настаивал на отсутствии пессимизма в фильме, на том, что тяжелые, трагические, казалось бы, безысходные мотивы фильма предназначены, наоборот, для того, чтобы «до конца раскрыть правду жизни, сильнее захватить волю, вложить большой заряд оптимизма и революционности».

Сердцем, мозгом человека — не того, кто думает лишь о благополучии своего маленького мирка, сердцем подлинного Человека, — даже поражение, гибель за высокое и чистое дело героя произведения воспри-

нимается как призыв к собственной активности, рождает, как бы потребность поднять знамя, выпавшее из рук бойца. Рождает, если произведение заразило, увлекло своей идеей.

Такое желание, естественно, возникает у физически и духовно здорового человека.

Но... нет в искусстве ничего страшнее догмы. И если даже самые верные положения абсолютизировать, они могут стать тормозом в понимании и развитии. Сколько прекрасных лирических вещей создано в искусстве! Сколько прекрасных, нежных, добрых и ласковых — так нужных человеку — песен мечты создано и в музыке, и в живописи, и в литературе. Недаром Александр Грин — один из любимейших писателей молодежи. Я очень люблю такие вещи. Люблю не только читать, смотреть, слушать — люблю писать! Очень!

Опасна не сама лирика или геройка, а абсолютизация их как единственного правильного пути, ибо в таком случае они превращаются в сковывающую догму. Но ни без лирики, ни без геройки жизнь и искусство развиваться не могут.

К сожалению, периодически мы, живые люди, абсолютизуем какую-либо одну из сторон творчества, обрезая этим ему крылья. Очень был прав Сулейман Стальский, говоря, что у поэзии два крыла — любовь и ненависть, и только на одном из них она подняться не может. Искусство сложно и многогранно. Истины искусства не однозначны и не должны такими быть. В этом, собственно, сила истин искусства и его отличие от истин науки. Именно поэтому опасно пытаться упростить их. Это выливается в конечном итоге в элементарную и даже крайнюю примитивизацию и вульгаризацию искусства.

дважды два...

Ведь были же в свое время опубликованы предложения некоторых читателей сжечь «Муху-Цокотуху» на том основании, что это пропаганда вредных насекомых, и другие, по-добные этому, предложения. «Литературная газета» тогда писала: «У нас уже пропала охота смеяться над такими курьезами. Тем более, что «болезнь» эта, — конечно, не в таких крайних формах — дает себя знать не так уж редко. Формы ее проявления различны: от анекдотических до едва заметных, вполне как будто бы благопристойных. Но симптомы заболевания всегда одни и те же. Это попытка проверить гармонию искусства не то, чтобы алгеброй, а двумя правилами арифметики: сложением и вычитанием, да и то в пределах первого десятка».

две сестры

Эта тенденция вульгаризаторского обеднения искусства стоит, как кровная сестра, рядом с тенденцией отрицания искусства вообще. И обе они очень опасны для развития культуры.

Искусство наше должно отражать все грани человеческих мыслей, чувств, переживаний и помогать зрителю, не навязывая, находить правильные ответы. Если это не будем делать мы, представители советского искусства, этим займутся чуждые нашему обществу силы.

Но как это не просто — помогать, не навязывая...

Художник + зритель = искусство

О мой друг! Эти искусства... Какие они долгие, мучительные и трудные! Между всеми картинами, которые здесь имеются, ищите самую плохую и знайте, что две тысячи несчастных перегрызли кисть с отчаяния, что не смогли сделать и этого.

Д. Дидро

...Моя речь рождается не во мне, а в них, в тех, кому я должна что-то сказать. Самое интимное, что у меня есть, самое индивидуальное — мое слово, оказывается, вовсе не мое, а их.

Блага Димитрова

НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

Художник написал картину. Это его боль, радость, тревога, мечта, надежда... Это его слово, обращенное ко мне, к вам, к нам... Это как радостное сообщение: «Всем, всем, всем! Я увидел то, что, мне кажется, еще не видите вы, я это увидел, понял, я открыл это — и вот несу вам — примите! Поймите! Радуйтесь со мной, плачьте со мной, думайте со мной!..»

Великий ли художник или нет, молодой или старый,

увенчанный лаврами и званиями или всеми забытый и не замечаемый, — если он подлинный художник, не ремесленник, — думает и чувствует так. Только так! Он полон надежды и тревоги.

Я вам несу свою мечту,
Как одуванчик в бурю.

(Новелла Матвеева)

Так было, так есть, так будет. Ведь искусство рождается, как диалог. Все разговоры, что художник пишет только для себя, что это только потребность самовыражения, не думая, не рассчитывая на собеседника, в лучшем случае самообман, в худшем — демагогия. Художник и зритель — это не разное, а единое и неразрывное. Это две стороны единого и неделимого явления, называемого искусством. Так было всегда. Не было, быть не могло ни одного художника, который не мечтал бы, не стремился донести свои, даже малые, находки до людей и чувствовать, что понят ими, принят ими. Мысли, чувства, память зрителя — та среда, в которой картина, симфония, поэма, любое произведение искусства живы. Иначе их как бы и нет. Они как бы мертвые, как семя...

КАК СЕМЯ Семя — еще не живое растение. Художник создал картину. Дальше начинается ее жизнь, ее путь к зрителю. Начинается ее испытание на «всхожесть» и «жизнестойкость». Начинается диалог, длящийся часто гораздо дольше, чем жизнь художника, создавшего ее, чем даже жизнь самой картины... Как важно, чтобы этот диалог начался сразу после создания картины! Как это важно для художника и для зрителя!

Каждая картина — это ведь не только личный шаг, личное открытие, личная удача или неудача —

это шаг, опыт, удача или ошибка и всего поколения, шаг в познании себя, своего времени. Как должна быть значительна для общества здесь даже самая малая находка! И как важно для творца почувствовать, что принято в душу зрителем как личное открытие, а что прошло мимо, не задев его. Важно, чтобы автор вовремя, в процессе своего творчества, мог проверить себя, свои будущие, только рождающиеся замыслы восприятием зрителя. Если этого не происходит, из искусства выпадает один из его создателей, его главный создатель — душа народа; и художник — тончайший инструмент самопознания и самосовершенствования этой души — может замкнуться в себе или в более или менее узком кружке своих друзей-художников. В этом случае происходит замыкание всей проблематики его творчества или на своей личности, или на проблемах той среды, в которой он живет — на профессиональных проблемах самого искусства, — на форме.

Так народ теряет свои таланты... Художник, замкнувшийся в себе, не может создать произведений большого, подлинного искусства, как бы он ни был мастеровит и одарен от природы. Зритель, лишенный большого искусства, создаваемого его современниками, теряет возможность глубоко, эмоционально осмыслить современность, выработать личное, прочное понимание и ощущение своего места в нем.

АККУМУЛЯТОР Да, очень важно, чтобы художник был подлинным аккумулятором мыслей и чувств народа, людей своего времени. А это, к сожалению, зависит не только от художника, но и от зрителя. Да, очень важно, чтобы заряд энергии народа, вложенный через художника в его произведения, вернулся к народу, обогатив его, подняв на новую ступень его понимания самого себя, кра-

соты и безобразия окружающего мира. И чтобы заряд этот, сделав свою работу, возвращался к художнику, возвращался как социальный заказ народа на все более и более глубокое и тонкое «открытие» его жизни.

Еще Дидро говорил: «Вы лучше меня знаете, каково влияние вкуса нации на прогресс искусства. Искусство остается незначительным у глупого народа. Оно с быстротой движется вперед у народа образованного. И зачем станет художник, окруженный глупцами, тратить силы, утомляться ради одобрения, которое можно приобрести с меньшим трудом?» И хотя это явно «шуточный домик», но, несомненно, не на шуточном фундаменте.

Бурное развитие искусства как части народной культуры может обеспечить только хорошо отлаженная, постоянно и быстро действующая «циркуляция идей» между народом-зрителем и его художниками.

А КТО «ГЛАВНЕЕ»? И совершенно нелогично ставить вопрос: кто важнее в этом процессе — народ-зритель или художник-созидатель?

Такая постановка вопроса, к сожалению, еще бытующая, наивна и одностороння. Это две стороны единого и неразрывного процесса, создающего культуру народа.

Сныбы всех веков и народов считали себя какой-то элитой рода человеческого, которой якобы только и доступны великие красоты духа, а значит, и «подлинного», вознесенного над «грязной и пошлой» прозой жизни искусства. Такое понимание вело к созданию «искусства от искусства и для искусства», искусства манерного, с усложненным и утонченным до выхолщенности языком и узким мирком чувств, искусства, способного услаждать, а не волновать, «гастрономического» искусства.

Другой крайностью была и остается сейчас позиция приоритета зрителя над художником. «Художник — слуга народа». Хотя художник действительно работает для народа, но такая позиция тоже искажает подлинные отношения «зритель — художник», примитивизируя их и затрудняя зрителю и художнику участие в сложнейшем деле развития культуры. Ее сторонники настойчиво забывают, что художник, как зритель, — часть народа.

Очень точно и убедительно, по-моему, сказал об этом в своей статье в «Советской культуре» рабочий-полировщик Владимир Голушкин в статье «Верю только правде»: «По-видимому, правду того или иного произведения надо еще понять, — почувствовать. Поэтому-то я не спешу с громогласным осуждением тех произведений, которые до меня, говоря попросту, не дошли. Ведь может случиться так, что не только произведение «не дозрело» до вкусов тех или иных зрителей, скажем, зрителей-рабочих, но и зрители, те же рабочие, «не дозрели» до произведения. Тут для выяснения истины требуется время...

Во всяком случае, я не считаю, что в отношениях между художником и зрителем может существовать только такое правило, которое применительно к торговле характеризуется выражением: «Покупатель всегда прав...» Нет ничего более неприятного, чем какая бы то ни было спекуляция на звании «рабочий», в том числе спекуляция на этом звании при обсуждении явлений искусства. Да, настоящий рабочий, знающий настоящую цену труду, никогда не станет вершить скорый суд и расправу над художником, зная, какой обычно тяжелый труд, помимо таланта, вкладывается в создание художественного произведения».

Сказано с большим уважением к труду художника, с пониманием его. И как бы хотелось, чтобы в высказываниях нас самих — художников, писателей, искусствоведов — всегда присутствовало подобное по-хозяйски внимательное отношение к работе своих товарищей. Ведь так часто и в нашей печати и даже на наших профессиональных обсуждениях «проскальзывают» нотки, так хорошо подмеченные еще до революции писателем Гаршиным.

для кого пишет
художник?

«Это хорошо, то плохо, говорим мы в полном убеждении, что наше отношение к художникам заключает в себе главным образом оценку их достоинств, и, заметьте, преимущественно технических, — пишет Гаршин в заметках о художественных выставках. — Мы не можем понять, что нашего мнения о технических вопросах никто не спрашивает, что художник сам всегда знает, что у него в технике слабо, что хорошо.

Он не просит у нас отметки за рисунок, письмо, колорит и перспективу. Ему хотелось бы заглянуть в нашу душу. И увидеть то настоящее, что мы так упорно скрываем, впечатление, на которое он рассчитывал всей своей работой, не думая о контурах и колоритах, наше отношение к нему как к художнику к художнику, ибо художник менее всего пишет для художников и присяжных критиков, а только для себя (в смысле потребности и удовлетворения ее) и для толпы».

о чём пишет художник? Собственно, таким было все-гда ощущение законов искусства настоящими художниками. Заглянуть в душу человека. И не просто заглянуть, а внести в нее частицу своего художнического «я»,

своего видения жизни — тут Гаршин нашупал самый главный нерв искусства.

Подлинный художник всегда несет через свое творчество в чужие души крупицы открытий. Что же можно и должно открывать через искусство?

Нужно ли, например, открывать через искусство, что новая модель трактора, самолета, домны и т. д. лучше старой? Едва ли. Для этого более пригодны научные труды, а для пропаганды их — газетные, журнальные выступления.

Едва ли через искусство нужно открывать что-либо в технической и экономической жизни общества (хотя некоторые его формы — например, плакат — могут в пропаганде этих достижений принести большую пользу). Задачей искусства является прежде всего раскрытие нового в духовной жизни человека и общества, в развитии моральных, эстетических, социальных критериев современности. Даже так называемая научная фантастика сейчас все более склоняется к этической, социальной проблематике. Технический аспект в ней, кстати, никогда и не был главным. Он был средством показа силы, возможностей человеческой мысли, призывом к ее активизации.

В каждый век происходят определенные сдвиги в человеческом сознании, меняются не только экономические и социальные условия жизни, но и развивается понимание эстетических категорий прекрасного и безобразного, красоты, добра и зла. И художник нужен народу именно для того, чтобы улавливать эти изменения как наиболее тонко чувствующий их организм, «из искры неясной рождать ясное знание». Именно поэтому, как бы ни были велики и прекрасны художники прошлого, но нам очень нужны и художники-современники.

Великий Пушкин не может заменить нам ни Мая-

ковского, ни Блока, ни Есенина, как и они, в свою очередь, не могут сказать нам о наших сегодняшних духовных проблемах. Нам нужны поэты, музыканты и художники — современники.

Казалось бы, что они открывают? Вечные истины... Да, но сегодняшнее их лицо.

Каждый век, даже, например, в извечно (для нас) существующем пейзаже Родины открывает свое.

Художники всегда являются людьми наиболее островертывающими все духовные проблемы своего времени, своего общества. Ведь, собственно, профессия художника — душеведение.

И открытия свои он делает, наверное, не в силу желания делать открытия, а в силу остроты восприятия действительности, своих ощущений и мышления.

Собственно, огромный человеческий опыт, заложенный в искусстве, — осмысленный художником жизненный опыт его поколения. Нашим достоянием он становится не просто в результате познания фактов и логики мысли и пересказываемых нам художником чувств, а как сопреживание, как наш собственный опыт. Так, можно через восприятие произведения искусства пережить унижение раба, горечь старости, оставаясь при этом молодым человеком нашего века. Именно такое воздействие искусства и формирует душу, обогащает личный опыт гигантским опытом человечества.

Современное же искусство, кроме того, разведчик нового в мировосприятии, чувствах и мыслях людей.

Но чего именно нового?

о специфике Какова же тут специфика разных искусств?

Может быть, новое для литературы — в новых подходах к анализу человеческой морали, чувств, раздумий?..

А для музыки — в находках новых, небывалых созвучий?

А для живописи — в сочетаниях красок, в новом постижении конструкций зримого мира?

Может быть, спецификой литературы является мир сложных человеческих чувств, незримых, глубоких..., а живопись призвана отображать, наоборот, только мир именно зримых явлений жизни?

Да, несомненно, каждое искусство имеет свою специфику и в силу этого свою тропинку в душу человека и свой аспект в духовном поиске человечества, но тут есть такая грань, за которой происходит искажение этого аспекта, и специфические средства искусства начинают восприниматься как круг его проблем.

Например, в литературе, обсуждая новое произведение, даже представители самых формалистических течений говорят об отношении автора к человеческой, социальной жизни, о ее понимании. И о форме произведения говорят как о результате этого понимания. (Здесь не будем касаться принципиальной невозможности, неверности препарирования живого произведения отдельно на форму и содержание.)

В живописи же очень часто в первую очередь смотрят на то, как «сделана» картина, как выполнена. Зрители и даже профессионалы (далеко не только представители формалистических течений) часто бывают так увлечены анализом зримой формы, что с большим трудом проникают через нее к мысли и чувствам, к сути произведения, к тому, что поэтесса Новелла Матвеева назвала «душой вещей».

Так, может быть, для живописи ее специфика только в зримой форме?

Это явление неоднозначно. С одной стороны, никто не воспринимает технику литературную — устной и письменной речи — как очень сложную, доступную только для людей одаренных. Этой «технике» — умению выражать свои мысли и чувства в устной и письменной форме — испокон веку учат всех детей. Никто сейчас не говорит: мой ребенок не будет писателем — зачем ему учиться грамоте? Оканчивая среднюю школу, все имеют примерно одинаковый уровень общей грамотности: и будущий рабочий, и будущий поэт, и будущий ученый.

А вот в области пластических искусств даже элементарной изобразительной грамотой обладают, к сожалению, почти только профессионалы. Этому, как мы уже говорили, всех не учат. Мы спокойно говорим: этот ребенок не будет художником — зачем ему учиться рисовать? Поэтому элементарная грамотность здесь воспринимается часто как талант.

К сожалению, отставание изобразительной грамоты от литературной вошло в привычку. Но оно совершенно не обусловлено никакой «спецификой» человека и никакой «спецификой» этих двух способов общения людей, двух языков — словесного и изобразительного, зримого.

Но в ненормальном «грамматическом» подходе к оценке значения изобразительного искусства есть и вторая, более глубокая и сложная сторона. Живопись, скульптура действительно могут то, что не может литература — сделать образ непосредственно видимым, до реальности осязаемым, превратить кусок камня в человеческое тело, а плоский кусок холста в огромное пространство, в феерию, праздник красок. И нас, художников, это не может не увлекать!

Восторг, так сказать, «профанов» перед чудесами «грамматики» пластических искусств, сливаясь с во-

сторгом «специалистов» перед особыми, неповторимыми в другом искусстве пластическими возможностями изобразительного языка, может быть, и рождает наивное увлечение этими особыми возможностями средств выражения. А это увлечение часто затмевает общность задачи и проблематики всех искусств. Здесь-то и рождается достаточно порочная идея о специальной живописной или литературной тематике.

Бытуют даже попытки четко разделить между искусствами единую и неделимую планету, предмет всех искусств — человеческие отношения, желания, чувства и мысли. Но до сих пор, к счастью, эти попытки не увенчались успехом. Пограничные линии постоянно взламываются живым искусством.

Кстати, определение «живописно» (когда говорят о музыкальном и литературном сочинении) или «музыкально» (когда говорят, например, о языке поэзии или живописи) никогда ни в одном искусстве не звучали как осуждение — скорее как похвала. Литературе повезло меньше — появился ругательный термин «литературщина». Поверхностная, пластически несовершенная, духовно примитивная литература, конечно, существует, так же, как подобные «серые» произведения существуют в музыке, в театре, в живописи. Но спецификой литературы они никогда не были. Что же касается повествовательной сюжетности, которая часто понимается под «литературщиной», то едва ли правомерно ее во всех случаях считать недостатком. Она ведь издревле была присуща всем искусствам. Пользуясь этим средством выражения, художники создавали замечательные произведения. Возьмите хотя бы картины передвижников, художников Возрождения.

Любые искусственные охранительные меры одного искусства, как бы против «проникновения» в него образного мышления другого мне кажутся не только наивными, но и вредными.

Наоборот, как на стыке наук, как при диффузии идей из одной области знания в другую, рождаются новые открытия и даже новые науки, так и от постоянного взаимовлияния и связи всех видов искусств — как в области формы, так и в области содержания, сути — рождается в искусствах все новое, живое и развивающееся.

И новое в жизни всегда открывалось всеми искусствами, рождая в них какие-то если не одинаковые, то параллельные формы раскрытия жизни. В свое время импрессионизм, развившись и получив название в живописи, появился и в музыке, и в литературе. И, кстати, подлинные открытия импрессионизма оказались не столько в средствах живописи, сколько в открытии целого пласта чувств и мыслей французов. Передвижники, Могучая кучка, Мир искусства — представители этих направлений открывали новые пластики жизни, мыслей и чувств русских людей своего времени.

СУТЬ МАСТЕРСТВА

Смыслом существования любого подлинного искусства всегда было не собственное самосовершенствование, а осмысление жизни, содействие ее улучшению, раскрытие ее сути, донесение этих открытий до сердца, до ума каждого, кто не глух и не слеп.

Да, но что же тогда понимать под совершенствованием мастерства в искусстве?

И может ли это мастерство совершенствоваться?
Может.

Но в искусстве каждое новое совершенствование

не отрицает старого. Открытия импрессионистов не отменили и не заменили ни великого искусства Эллады, ни завоеваний искусства средневековья и эпохи Возрождения. Постимпрессионисты своими открытиями не отменили и не затмили импрессионистов.

Каждый век, народ, каждое поколение рождают свое искусство, раскрывая не только новые, но по-новому раскрывая и старые, «вечные» истины. Искусство — это очень чуткая форма самопознания человечества, и отдельного человека, и народа, и поколения.

Часто же под мастерством мы понимаем его технические, ремесленные стороны — так сказать, уровень владения средствами выражения. Если хотите, артистизм. И действительно, определенный профессиональный уровень необходим мастеру в любой профессии и, несомненно, желательно, чтобы он в совершенстве владел всеми средствами своего искусства. Но...

Техническая сторона творчества двойственна, и совершенствование ее отнюдь не всегда тождественно совершенствованию мастерства автора. И, очевидно, так, в любой профессии. Об этом блестяще сказал замечательный советский хирург С. Юдин:

«...У любого, даже сильного, таланта... имеется своя внешняя, так сказать, ремесленная сторона деятельности, то есть техническое мастерство, практический опыт и обширный запас знаний. И никакая гениальная идея не может зародиться у профана... Техническое мастерство, совершенствуясь, может привести к полной виртуозности.

Однако подобное техническое совершенствование содержит в себе принципиальный порок любой специализации: оно имеет все же строгие пределы и неминуемо отрывается и уводит

все дальше от источников новых идей и ослепительных открытий. И рано или поздно узкая техническая специализация приводит к простому ремесленному жонглерству».

Ремесло и мастерство не однозначны, подлинное мастерство художника предполагает не только мастерство исполнения, но в первую очередь мастерство познания жизни, мастерство богатой души, открытой для поисков и находок, способность ощущать жизнь, увиденную как бы впервые, не через призму ранее открытого и уже познанного.

Подлинное, творческое мастерство предполагает единство богатого багажа знаний, опыта, традиций и способность, перешагнув через них, войти в неведомое. Знать, но не быть скованным знанием, поскольку подлинно творческий замысел рождает потребность выразить еще невыраженное.

«Замысел, так же как и молния, возникает в сознании человека, насыщенного мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается все это исподволь, медленно, пока не доходит до такой степени напряжения, которое требует обязательного разряда. Тогда весь этот чистый и еще несколько хаотичный мир рождает молнию — замысел». Это сказал Паустовский, замечательный мастер слова.

И создать, вырастить в художниках этот мир, наполненный мыслями и чувствами современников, сконцентрированными в сознании художника, — важнейшая задача как самого мастера, так и всего окружающего его мира и, главное, чуткого к его поискам зрителя. Воспитать в зрителе отзывчивость к этому миру, потребность и способность к постоянному общению с искусством — также важнейшая задача всего общества, в том числе и самих художников.

Обществу выгодно и необходимо, чтобы в творческом двуединстве «художник — зритель» не возникало водоразделов равнодушия и непонимания, не возникало разобщения.

Однако и этот процесс может идти для человечества и со знаком плюс и со знаком минус.

ВСЯКОЕ ЛИ ИСКУСТВО НЕСЕТ КРАСОТУ, ДОБРО И ПРАВДУ

Искусство всегда выполняет социальный заказ. В социалистических странах оно воплощает жизнь всех классов и слоев общества, не находящихся в антагонистическом противоречии, в капиталистических же странах искусство часто выполняло и выполняет социальный заказ самых реакционных классов и слоев общества. Поэтому в капиталистических странах вполне возможен социальный заказ на самое антигуманистическое, даже на фашистское искусство, воспитывающее самые низменные человеческие качества: человеконенавистничество, садизм, расовую ненависть и презрение, культ грубой физической силы супермена — победителя... Идеалы потребительского мировоззрения, кстати, тоже формируются через искусство — и очень активно!

Сейчас имперализм использует в своих целях культуру и искусство гораздо тоньше, замаскированнее, опасней, чем раньше. И одной из самых организованных акций является вся теория и «индустрия» так называемой «массовой культуры». Я не случайно говорю «индустрия». «Массовая культура» создается отнюдь не так естественно и самопроизвольно, как, например, создавалась народная культура. Искусство, формирующее идеалы массовой культуры, создается целянаправленно действующими корпорациями, тратящими на это огромные средства. Но целью здесь является отнюдь не подлинная культура.

Массовая культура — это усредненная, стандарти-

зированная «культура» потребителя, «культура» обычного зрителя, возведенная в идеал. Через сеть телевидения, радио, кино, журналов и газет — через все современные средства информации идеалы и образы этой полукультуры обрушаются ежедневно на людей и настойчиво, исподволь формируют их представления. Причем, представления и образы массовой культуры формируются сознательно, как заказ, и формулируются, овеществляются в предметах искусства и явлениях быта специалистами-художниками, писателями, композиторами, режиссерами высшего класса. Деньги, деньги, деньги!!!

В угоду бизнесу массовой культуры опошляются и «приспособливаются» даже шедевры подлинно высокого искусства.

Формирование у людей эстетических критериев отнюдь не ограничивается рамками искусств. Художник-дизайнер может получить заказ на конструирование образа... например, кандидата в сенаторы, образа, наиболее убедительно отвечающего «идеалу» широкого «потребителя» — избирателя. «Сконструированная», наиболее благоприятная для сегодняшнего успеха личина «надевается» на нужного человека и пропагандируется всеми средствами как идеал данного общества.

Эта система почти так же действенна, как гипноз.

Сознательно в массовом масштабе распространяя и утверждая эти идеалы, такая система средствами искусства старается добиться (и часто добивается) выгодной для себя унификации мышления потребителя, гражданина общества.

И надо отдать справедливость правящей верхушке капиталистического общества — она прекрасно поняла выгодность для себя такого состояния духовной культуры масс. Уровень полу- или недокультуры

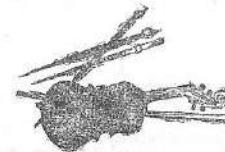
стал сознательно поддерживаться, культивироваться, так как это помогает отвлекать трудящихся от острых социальных противоречий буржуазной действительности.

Зритель и искусство как бы взаимно создают друг друга, взаимно развиваются друг друга в определенном направлении. В системе массовой культуры это «развитие» происходит в направлении регressive, антигуманном.

Да, искусство это не тихое озеро, а бурный океан. Искусство — поле боя. Искусство и оружие боя.

Так всегда было и будет. За века своего существования искусство накопило огромную историю этого боя за души людей, и именно поэтому нужно научиться разбираться в его арсенале, изучить «географию» поля боя. Бой продолжается...

Воспитание духовных потребностей

В БОРЬБЕ ЗА ДУШИ ЛЮДЕЙ

В наш век научно-технического прогресса мы много знаем о законах биологии, психологии и пр. С этих позиций можем объяснить природу наших чувств. Но эти знания не помогают нам в самих переживаниях, не формируют наших чувств: радости и грусти, восторга или негодования. Это может сделать только искусство. Хотя оно тоже не способно избавить человека от душевных падений и взлетов, оно может помочь и помогает пережить все, выпадающее на долю человека, достойным человека образом. Оно несет нам многовековой опыт человеческих переживаний. Опытом чужих чувств, чужих горестей и радостей искусство может воспитывать наши чувства, больше того, оно способно разделить с нами на-

ше горе и нашу радость как бы от имени всех людей, переживавших их до нас. Высокое искусство способно быть старшим, опытным и мудрым другом.

До сих пор у нас в стране некоторых людей еще притягивает церковь.

Почему?

Мы говорим: из-за слабости антирелигиозной пропаганды. Но только ли в этом дело? Не игнорируем ли мы в своей воспитательной работе нечто очень важное, и этим «нечто» пользуются в борьбе за души людей иные силы.

Я говорю об эмоциональной жизни эмоции!!! человека. Для понимания значения этой стороны жизни давайте присмотримся к этих позиций к тому, как завоевывает слабых людей церковь. Что они ищут в церкви? Идут ли они туда с вопросами организации производства, устройства быта? Едва ли. Скорее всего они идут в церковь с желанием решить свои сугубо личные, моральные проблемы, прибегая к религии как к советчице, помощнице. Я — и мои родители, моя семья, товарищи, я — и человечество...

Эмоциональный мир каждого человека, проблемы его отношений с другими людьми очень сложны, и разрешать проблемы этой стороны жизни человека приходится постоянно. В трудную минуту хочется посоветоваться, разделить свои горести с кем-то более мудрым: ведь разделенное горе — полгоря...

Церковь же умело пользуется этой потребностью человека для подчинения его своей догме, своей организации, своей воле. Она принимает в «лоно свое» человека со всеми его болями, радостями, сомнениями. Принимает и... обрабатывает его собранными в единый кулак силами... искусство. Да, через искусство

и с помощью искусства. Оружием церкви был и остается синтез искусств, воплощенный в культе.

ОРУЖИЕ ИСКУССТВА

Используя искусство в своих целях, церковь не только удовлетворяет человеческую потребность в становлении, гармонизации мира чувств, но и формирует его по своим законам. А воздействуя на чувства, на эмоциональную жизнь человека, церковь влияет и на его мировоззрение.

И это не удивительно — ведь недаром А. В. Луначарский говорил: «Мы устроены так, что чувственное восприятие для нас важнее, чем умственное. Мы считаем что-либо основательно познанным, когда мы почувствуем его не только головой, но призовем к этому всю нашу нервную систему....» (Из доклада на Всеобщей конференции пролетарских писателей 7 января 1925 года.)

К великому сожалению, эту «специфику» духовной жизни человека мы очень часто не учитываем и платим за это «коряво», примитивно сформированным миром своих чувств.

Эмоции человека — это та почва, на которой прочнее всего закрепляются убеждения и привычки, и особенно прочными — на всю жизнь — оказываются приобретенные в детстве, отрочестве, юности, ибо именно в это время мировосприятие человека наиболее эмоционально.

В борьбе идей на этом глубинном и, наверное, самом прочном уровне, в борьбе за человека нет у общества лучшего оружия, чем искусство; и мы не имеем права отдавать его на служение чуждой нам идеологии. Да, искусство нужно отнюдь не только для украшения жизни и «заполнения» свободного вре-

мени. Искусство — это особый язык, выработанный и развитый человечеством за тысячелетия своего существования. И как всякий язык, он создан для передачи мыслей и чувств, для передачи человеческого опыта, который невозможно передать никаким иным путем. «Языком образов» можно «сказать» то, что недоступно языку научных формул и логических доказательств.

И именно сейчас, когда перед нашим обществом стоит задача воспитания строителей коммунистического общества, надо, видимо, обратить особенно пристальное внимание на обеспечение гармонии между логическим и эмоциональным воспитанием молодежи, а без искусства это невозможно. Надо ясно понимать, что нетребовательность в удовлетворении эстетических запросов может нанести невосполнимый урон духовному развитию человека и, становясь массовым явлением, превратится в тормоз дальнейшего развития всей культуры народа.

Но как найти эту гармонию? **найти главное звено!** К. Маркс говорил: «Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком».

Какой же путь короче и вернее в достижении этой цели?

Пути эти, очевидно, проходят и через печать, и через клуб, кино, и школу, и семью — это единая цепь. И, наверное, уже давно пора вытянуть всю эту цепь из заколдованного круга инертности.

А для этого нужно найти в ней звено, способное оказать решающее влияние на все другие звенья.

Может быть, это клуб?

Конечно, у нас в стране создана сеть прекрасных

клубов и Домов культуры, и они являются подлинными очагами культуры. Но как часто еще на селе можно встретить такую картину: стоит сарай с вывеской «Клуб», стены его обшарпаны, болтаются обрывки афиш и объявлений. На дверях чаще всего замок, ржавый огромный замок, который снимают только ради танцев и кино.

Да, клубы специально созданы для воспитательной, культурно-просветительной работы (и не только среди молодежи), но пока, к сожалению, клуб — одно из «узких мест» культурно-массовой работы. Необходимо много усилий, внимания, средств и талантов, чтобы вывести все наши клубы не в отчете, а на деле, по всей стране на передовые рубежи культурно-воспитательной работы. И тогда клубы будут вносить более значительный вклад в дело эстетического воспитания.

Так, может быть, семья? Ведь через нее-то проходит каждый?

семья Передо мной опять стопка анкет. Разные ученические почерки, но это уже ученики одной московской школы. Несколько иные вопросы, более интересные ответы — и довольно показательные.

Я приведу только два, ибо анкеты по характеру ответов четко делятся на два русла.

1-я анкета (9-й класс)

1. Чем отличается изобразительное искусство от литературы и кино?

— Живопись пишется красками, в литературе образ создается словами, а в кино — игрой актеров.

2. Какие есть жанры изобразительного искусства, их отличия?

— Например, живопись и портретизм. Живопись —

изображение природы и жизни, портретизм — портрет кого-нибудь.

3. Для чего нужно искусство?

— Для развлечения и отдыха.

4. Какие книги вы читали по искусству?

— Никаких.

5. Кто из русских художников нравится вам?

— Шишкин и его картина «Утро в сосновом бору».

Я очень люблю природу.

6. Кто из западных художников вам нравится и почему?

— Не знаю.

7. Как относитесь к современному искусству?

— Не знаю.

8. Чем отличается Бруль от Репина?

— Я не знаю Брубеля.

9. Где вам преподавали искусство?

— Нигде.

10. Кто из родителей интересуется искусством, каким?

— Никто не интересуется.

11. Какие выставки посещаете?

— Никакие.

2-я анкета (9-й класс)

(Только ответы)

«1. (По первому вопросу — целая страничка глубокого и интересного разбора искусства.)

2. — Живопись, скульптура, графика, монументальный и декоративный жанры.

3. — Для более глубокого понимания жизни. Изобразительное искусство, литература, кино призывают служить интересам человека, воспитывать его обновленное сознание, вкус, любовь ко всему прекрасному.

сному и хорошему. Искусство должно облагораживать душу и сердце.

4. (Большой список — 5—6 книг по разным видам искусства.)

5. — Из русских художников мне нравятся Репин, Левитан, Айвазовский, Васнецов, Бруль и другие. Сила этих художников в умении передать чувства и переживания людей, прелест пейзажа, красоту жизни.

6. — Леонардо да Винчи и Ван Дейк.

7. (Называются нравящиеся вещи в музыке, в поэзии и живописи.)

8. — Репин — великий реалист, создатель многих известных полотен из жизни России.

Бруль — русский художник, основатель своего течения в живописи, романтик и фантаст.

9. — Нигде.

10. — Отец — инженер-конструктор, мать — медсестра. Оба увлекаются кино, музыкой, живописью. Отец любит стихи.

11. — Ходим на выставки и в Третьяковку, но редко, так как мать и отец очень заняты».

Сравните эти две анкеты, сравните их с анкетами школьников из деревни, и вы почувствуете довольно большую разницу. Но разницу эту, очевидно, дали усилия не школы...

Кроме государственного пути обучения — от яслей до аспирантуры, — каждый проходит параллельно и еще один путь. Он менее на виду, не требует ни плана, ни сметы, но отнюдь не менее важен. Этот путь — через всю жизнь. Это влияние семьи.

Пожалуй, на развитие вкуса и культурных привычек взгляды, воспринятые с «молоком матери», оказывают самое сильное, длительное и прочное воздействие.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЕСТЬ!

Если родители хотят воспитать у своего ребенка широкий культурный кругозор, что им может помешать? Загруженность на работе? Но сейчас у нас больше свободного времени, родители стали раньше возвращаться домой и могут уделять больше внимания детям. К тому же воспитание в семье — это не какая-то строго регламентированная деятельность. Иногда одна фраза, сказанная мимоходом, положенная на стол книга и несколько слов о ней, повешенная в комнате картина, купленная грампластинка оказывают на духовное развитие ребенка не меньшее влияние, чем специальный разговор. А беседы и споры об искусстве между старшими членами семьи и их друзьями? Это тоже школа и вкуса, и миропонимания.

Но всегда ли сегодня эта школа учит только лучшему? Лучшему вкусу, лучшему отношению к человеку, к искусству, к науке, к обществу, к будущему. Всегда ли, разговаривая при детях, взрослые ощущают свою ответственность? Пока нет.

Что же мешает? Недостаточная собственная культура? Да.

Но если родители осознают, что уровень их культуры еще недостаточно высок, то беда не так уж страшна. Возможно, у них пробудится желание преодолеть это отставание. Можно начать активно слушать музыку, смотреть спектакли в театре, слушать лекции в университете культуры. Для человека, желающего пополнить свой культурный багаж, нет препятствий.

**Хуже, если родители не ви-
поправимо ли?** дят своей культурной отсталости, не понимают своей беды! Тогда дорога духовного развития закрыта зачастую и для их детей.

Особенно большой вред могут принести детям ро-

дители, не понимающие, что в области эстетического развития, так же как и во всех других областях человеческих знаний, нужна подготовка, нужна учеба. Ведь учеба, навык необходимы не только для того, чтобы создавать произведения искусства, но и для того, чтобы глубоко воспринимать их.

Совершенно не обязательно быть инженером, чтобы летать на «ТУ-104», так же как не обязательно быть садоводом, чтобы получать пользу от фруктов и овощей, и не обязательно знать химию, чтобы носить пейлоновую шубу! Но, не понимая, чем отличается фотография от картины, язык живописи от языка кино, балета — от оперы, симфонии — от танца, невозможно воспринять в полную меру ни одного явления искусства! Совершенно невозможно!

Именно знания, воспитание должны открыть глаза тем, кто не видит, уши тем, кто не слышит, сердце тем, кто не чувствует.

Конечно, семья имеет обширные возможности для развития духовной культуры ребенка, но и здесь встречаются серьезные и объективные препятствия.

Наша Родина за несколько десятков лет шагнула от почти сплошной безграмотности отсталой крестьянской страны в век поголовной грамотности индустриальной социалистической державы. Естественно, что мы не могли так же быстро, как техническое образование, поднять уровень эстетической культуры — это гораздо более тонкое и сложное дело. И за одно, даже за два поколения такой скачок сделать невозможно.

Мы знаем, что русская демократическая интеллигенция до революции выходила в основном из обеспеченных слоев общества. В этом, правда, довольно узком кругу было так же естественно воспитывать в

ребенке понимание основных сторон духовной жизни человека, как учить его опрятности, вежливости. Такова была традиция. Это была потомственная интеллигенция.

Однако, когда мы говорим о высоком уровне этического и эстетического воспитания в семьях передовой интеллигииции дореволюционной России, то нужно помнить — это происходило на фоне много-миллионной полуграмотной крестьянской массы. А прежняя крестьянская, неграмотная среда не могла создать традиции всестороннего гуманистического воспитания, открывающей человеку возможность стать наследником всего богатства культуры человечества. А ведь наши рабочие и колхозники, большая часть нашей советской интеллигииции — дети именно этой среды. Удивительно ли, что в наших семьях, где не только образованность, но и грамотность являются часто достоянием всего лишь двух-трех послереволюционных поколений, не всегда устанавливаются высокие эстетические традиции.

настойчивость, труд и время

Развитие от полной неграмотности к овладению богатствами всей передовой культуры человечества не может протекать столь же быстро, как овладение культурой быта (и тут дело не только во времени). Если последнее может «проходить», так сказать, стихийно — нужно ли доказывать, что с холодильником лучше, чем без него, — то для овладения духовной культурой необходима осознанность, которая и родит волю к преодолению трудностей.

Бо многих уголках нашей страны уже давно делаются шаги в деле эстетического воспитания молодежи через семью.

Приведу только один пример огромной работы в области эстетического воспитания, которую ведут

наши энтузиасты-пропагандисты. В Архангельске уже много лет действует университет общественных пропагандистов искусства. Каждый из его второкурсников и выпускников ведет в учебных заведениях, на заводах и фабриках занятия школ эстетической культуры. И эти школы — очень характерно — больше всего посещают матери семейств.

Это прекрасный симптом!

Но какой процент матерей ходит на эти занятия?.. И почему только матерей?

Воспитание в семье, через влияние традиций семьи — верный, но чересчур медленный и стихийный путь.

А ВРЕМЯ ЖДЕТ? Может ли общество так долго ждать? Нет. Тем более что у нас есть такая система воспитания и обучения, которая ведет человека от детских яслей до университетской кафедры — это государственная система образования. А в ней — в первую очередь общеобразовательная средняя школа, через которую, так же как и через семью, проходит в нашей стране каждый.

Да, школа может и должна систематически развивать и всесторонне воспитывать человека. Советская школа — единая мощная система. Она может и должна стать главным звеном в эстетическом образовании и воспитании. Но так ли на деле?

ШКОЛА И ИСКУССТВО «Со школьной скамьи мы сошли совершенно не подготовленными к восприятию искусства; если у некоторых ребят есть способности, то все равно в раннем возрасте они не получают развития. Сами преподаватели подчас не могут рассказать учащимся о жизни и творчестве великих художников — они ни в средней школе, ни в институте не получили эстетического вос-

питания, поэтому не могут служить примером детям, которых они воспитывают», — говорят студенты Смоленского педагогического института.

А вот что пишет студент Казанского государственного университета Халим Садыков: «В жизни я сталкивался и сталкиваюсь с предметами живописи, скульптуры, музыки. Сталкиваюсь потому, что они входят в быт наших людей, окружают нас, говорят о себе, требуют к себе внимания. И сознаюсь: вместе с огромной радостью, которую я испытывал, соприкасалась с жизнью искусства, я много и много раз огорчался. То были мучительные часы. Я спрашивал себя: почему я остался недоучкой, почему мимо меня прошло столько прекрасных незабываемых событий, фактов. Ведь я учился в школе. У нас были учителя, которые все отдавали, чтобы мы выросли умными, развитыми людьми. Так в чем же дело? Мы слыхом не слыхали в свое время ни о Рембрандте, ни о Рублеве, ни о Бахе, ни о Гайдне. Знали туманно о Репине, Сурикове, Глинке, Чайковском (только их имена). Не знали, что такое живопись, скульптура, что такое балет, опера, симфония. Да разве перечислишь все, что осталось неведомым нам, может быть, и по сей день! И мне становится вдвойне больно от мысли, что все прошедшее мимо нас могло как-то коснуться нашей жизни, могло открыть перед нами свои сокровенные стороны, натолкнуть на какие-то мысли, побуждения. Наши добрые, знающие учителя часто не понимали, что не просто рисовать нам надо было какого-нибудь медвежонка, сделанного из картона, а понять и узнать, кто сделал чудные вещи искусства и как их делал.

Вместо того чтобы ставить терпеливо двойки и пятерки за наши импровизированные труды, учителя хотя бы единственным словом обмолвились о живописи во-

обще, рассказали бы, как она возникла и откуда пошла и как она развивалась. Я думаю, если бы было так — не случилось бы того, что мы сейчас переживаем, переживаем тяжело и горько. Поэтому я еще раз прихожу к мысли, что только со школьной скамьи люди могут научиться понимать и жить искусством. Детские души непосредственны и восприимчивы. Все радостное, новое, светлое глубоко западает в сердца и не стирается уже никогда. Надо им больше говорить об искусстве, литературе, показывать, разъяснять. Надо сделать так, чтобы дети никогда не отрывались от этой прекрасной жизни, чтобы она украшала их, сопутствовала и помогала в жизни».

И еще одно письмо — от офицера Ковалева: «Наши учителя почему-то полагают, что постигнуть вы соты понимания красоты — личное дело каждого человека. Не слишком ли часто убогое представление о красоте остается единственным богатством людей на всю жизнь?»

Сказано очень резко. Нет ли здесь преувеличения? Ведь можно привести в пример многие десятки, может, несколько сотен школ, в которых учителя-энтузиасты дают эти знания детям... Но даже несколько сотен школ-энтузиастов не «сделают погоды», если только они не «весенние ласточки», предвещающие близкий и бурный расцвет всенародного эстетического образования.

ШКОЛА —
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬ-
НАЯ?

В стране сотни тысяч школ. Они воспитывают будущих строителей коммунизма. Мы обязаны думать обо всех. Поэтому давайте уйдем от парадной стороны дела и разберемся, что же происходит в школе, разберемся, почему из нашей общеобразовательной школы выходит так много людей, художественно неразвитых, большей частью совер-

шенно не подготовленных к самостоятельному восприятию искусства, а значит недостаточно развитых и эмоционально.

Еще в 1918 году, на заре строительства социалистического общества в нашей стране Государственная Комиссия по просвещению опубликовала «Основные принципы Единой трудовой школы». Там есть замечательные слова: «Предметы эстетические: лепка, рисование, пение, музыка, отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью в жизни. Особенно рисование и лепка, как его вспомогательный предмет, должны занять выдающееся место. Ученик постепенно должен приобрести в своем карандаше новый орган особо точной и образной речи.. Рисование должно служить вместе с тем основой преподавания всех предметов как в руках учителя, так и ученика.. Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудовое и научноеование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным, ибо радость жизни в любовании и творчестве есть конечная цель и труда и науки».

Изумительные слова. Однако насколько они соответствуют сложившемуся положению?

Преподавание основ наук поставлено сейчас в школах довольно высоко, трудовое воспитание также за-

няло достойное место. Но одновременно наши школы оказались лишенными того необходимого элемента в воспитании, о котором говорила программа Наркомпроса, — воспитания стремления к красоте как радости жизни, той радости, которая и есть конечная цель труда и науки...

Да, наша школа пока еще далека от выполнения этих задач. Школьные программы последних десятилетий преследовали не «систематическое развитие органов чувств и творческих способностей», а куда более узкие цели: пока школьный курс рисования ставит задачи обучить учащихся элементарным основам реалистического рисунка, воспитать художественный вкус, интерес и любовь к изобразительному искусству, дать учащимся элементарные знания в области изобразительного искусства.

Выполняется ли? И даже эти задачи пока нашей школой не решены. При современном количестве часов, уделяемых художественному воспитанию, в результате однобокой направленности учебного процесса по искусству, ввиду почти полного отсутствия достаточно квалифицированных кадров педагогов, из-за бытующего в школе глубокого непонимания, а отсюда зачастую пренебрежительного отношения к этим предметам со стороны педагогической общественности, дирекций школ и даже министерств просвещения, они пока и не могут быть быстро решены.

Кроме того, занятия рисованием в школах на практике сводятся к осуществлению очень узких задач: не столько привить любовь к изобразительному искусству и развить художественное мышление, сколько просто научить грамоте перспективного и объемного рисунка. А такое сужение задач засушивает и убивает интерес и радость творчества.

Нельзя также забывать, что как преподавание грамматики не может заменить изучение литературы, так и преподавание грамоты рисунка не может заменить изучения образного строя, языка изобразительного искусства, его истории. Не каждый ученик должен стать художником, писателем или композитором, но каждый может и должен научиться любить и понимать искусство, литературу, музыку. Каждый должен стать художественно развитым человеком. И дать такую возможность молодежи — непременная обязанность средней общеобразовательной школы.

НЕ ОБМАНЫВАЕМ ЛИ МЫ СЕБЯ?

Фактически, когда мы говорим, что в школе сейчас есть такие предметы, как музыка и изобразительное искусство, мы обманываем себя. Разве можно считать «предмет» существующим, когда, наверное, для восьмидесяти процентов детей познание искусства остается за семью печатями (только полтора процента школьников занимается в студиях и кружках по изобразительному искусству, а по всем видам искусств — пятнадцать процентов)*. И когда мы говорим о наших успехах на всесоюзных и международных выставках детского творчества, мы говорим о ребятах-лауреатах из этих скучных процентов. Надо уметь смотреть правде в глаза. Патриотизм в этом.

Давайте посмотрим, что происходит с теми детьми, которые не «попали» в эти полтора процента. Где, как, в каком объеме могут они познакомиться с искусством, то есть что фактически дает общеобразовательная школа каждому из них на уроках.

* По данным социологического исследования, проведенного Институтом художественного воспитания АПН СССР в 1973 году.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Программа по рисованию и школьная практика предусматривают, что в начальных классах — с первого по третий — занятия по искусству ведут в школе преподаватели общих дисциплин, которые, к сожалению, в настоящее время совершенно не подготовлены нашими вузами к этой ответственной деятельности и предмета не знают. Передо мной несколько рисунков этих педагогов (с курсов по повышению квалификации). К сожалению, они являются собой пример полной безграмотности. Это почти то же, как если бы учитель арифметики не знал, что дважды два — четыре, а преподаватель литературы никогда не слышал бы о Пушкине и не умел бы грамотно построить ни одной фразы.

Только ли сами педагоги виновны в таком положении дел? Многие из них хорошо понимают, что недостаточно подготовлены, но изменить ничего не могут.

«Двадцать один год я работаю в начальной школе, — говорит учительница Свердлова из Якутска. — Я каждый раз иду на урок рисования, испытывая угрызения совести. Ведь не могу же я дать детям того, чего сама не знаю».

И такое положение почти повсеместно. Это знают и с этим как-то мирятся все: от педагогов до родителей, от художников до писателей.

Товарищ Пылик, из села Грузское Сумской области, писала: «Это происходит потому, что учителя первых-четвертых классов в этой области специального образования не имеют и считают необязательным прививать любовь к искусству. Однажды на эту тему я разговаривала с учителем, ведущим рисование в третьем классе, он заявил, что понимать искусство могут лишь «избранные», то есть единицы, математика поэтому гораздо полезнее рисования».

Вот и получается, что во многих школах часами рисования и пения пользуются для того, чтобы провести урок математики или русского языка.

восьмилетка В четвертых-седьмых классах, где предмет должен вести специалист, положение почти не улучшается, так как их, специалистов, нет почти во всех сельских и большинстве городских школ, уроки пения, рисования в порядке «догрузки» разделяются между педагогами других дисциплин.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА В старших же восьмых-десятых классах, то есть именно тогда, когда оно больше всего нужно юношеству для формирования мировоззрения, личности, преподавание искусств вообще не предусмотрено программой.

Приходят ученики в выпускной класс, так и не встретившись с человеком, который мог бы раскрыть им красоту искусства и смысл его существования, познакомить с шедеврами, созданными великими мастерами всех предшествующих поколений, рассказать, какими средствами и для чего они были созданы. Молодой человек выходит из школы не только не подготовленным к самостоятельному восприятию искусства и встрече с различными течениями и направлениями в современном искусстве, но выходит вообще художественно неразвитым.

Выходит художественно, эстетически безоружны м.

«Я не помню случая, чтобы у нас в школе делались попытки приобщить нас к искусству. От школьной скамьи меня отделяет почти шесть лет. Мир прекрасного раскрывается мне сейчас, а ведь мог открыться еще в школьные годы. Знаю, что за эти годы я много потерял. И не знаю, смогу ли теперь на-

верстать упущенное», — пишет сержант Велоплотов. Да, очень трудно наверстать упущенное в юности.

«УНИВЕРСИТЕТ» или «ЛИКБЕЗ»? Мы создаем университеты культуры. Но в этих «университетах» людям приходится

постигать азбучные истины искусства. А ведь это с гораздо большим успехом можно было сделать в детские и юные — в школьные годы. Тогда в университетах люди могли бы идти дальше, открывать для себя новые глубины искусства и культуры.

Глубины здесь не столько в накоплении знаний, сколько в развитии чувств, а к этому ведет очень долгий путь — не только изучения эстетики и истории искусства, но постоянного общения с искусством.

Кроме того, придут ли в эти университеты те, у кого уже с детства атрофировались и любовь к искусству, и желание познавать его?

ОБЯЗАННОСТИ БЕЗ ПРАВ До сих пор мы миримся с тем, что

по рисованию и пению у ученика могут быть знания фактически на уровне двойки и даже единицы — все равно его переводят из класса в класс. И нет в школе более неустроенного педагога, чем преподаватель рисования или музыки: у него нет ни настоящего оборудования, ни кабинета. Мы не обеспечиваем его ни пособиями, ни материалами для работы, не поддерживаем его авторитет в школе. Да и о какой творческой и авторитетной работе может идти речь, когда для материального обеспечения себя на уровне с другими педагогами он должен работать в двух-трех школах одновременно!

И выходят из средней школы юные граждане, по-настоящему даже не прикоснувшиеся к тому великолепному, о чём лишь что-то когда-то слышали. Они пойдут

на заводы, в колхозы, институты, в том числе и в педагогические. Изучат специальность, станут, может быть, хорошими инженерами и агрономами, станут и учителями — воспитателями подрастающего поколения. Но может ли быть хорошим воспитателем педагог, даже блестяще знающий физику, историю, но не понимающий, не чувствующий музыки, поэзии, живописи?

Такие учителя учат детей в школе своему предмету и походя учат равнодушию к искусству, художественной культуре. Они незаметно, может быть, сами того не сознавая и не желая, обкрадывают детей.

Но что же делать?

Ведь новые и новые отряды педагогов с ограниченным культурным кругозором приходят в школы, на институтские кафедры.

Помогите! Письмо от сельской учительницы:
«Я учительница. Мне 27 лет. Люблю искусство, но многого не понимаю и не знаю, а ведь я должна других воспитывать. Сколько у меня сомнений и тревог! Ни школа, ни институт не дали мне знания живописи, скульптуры, музыки, а самое обидное — не привили даже малейшего интереса к их изучению. Все это пришло позже, в столкновении с жизнью. Сейчас я чувствую себя почти беспомощной; как наверстать упущенное? Как? Я не хочу, чтобы мои ученики оказались в таком положении, как я, и поэтому прошу вас — помогите мне и моим ученикам!»

В этом письме звучит тревога человека, учителя, гражданина, увидевшего опасность и не знающего, как бороться с ней. С каждым годом среди учительства эта тревога усиливается и активизируется поиском выхода.

ТРЕЗОГА И ПОИСК Вот еще одно письмо учителя: «Уважаемый Борис Михайлович! На каникулах я, к сожалению, не мог приехать в Москву, но мне очень хотелось бы поделиться с Вами своими мыслями и сомнениями. Признаюсь, хотя меня и радует составление новой, лучшей программы по рисованию, но совершенно не успокаивает. Почему? Да потому, что дело сейчас все же не в программе, а в том, кто ее будет осуществлять, проводить в жизнь, учить по ней и как будет понимать свои задачи — узко или широко. Второе — это само отношение к делу. Я очень опасаюсь возможности догматического и чиновниччьего подхода. В этом деле все же решают люди, а не программы, даже самые совершенные. К тому же обучение рисованию — это эстетическое воспитание в узком понимании, часть его. И воспитательные возможности его ограничены.

Эстетическое воспитание в широком смысле — это воспитание больших и глубоких чувств, это идеиное и моральное воспитание человека, человечного человека — прежде всего. Это в первую очередь воспитание прекрасного в сердце человека, прекрасного, которое руководило бы умом и поведением человека, его отношением к людям. Я глубоко убежден, что то, что мы называем эстетическим воспитанием в широком смысле, — единственное и крайне необходимое средство воспитания человека. Да, да! Человека с большой буквы, с большим сердцем и высокими чувствами.

Я убежден, что в эстетическом воспитании на первом месте нужно поставить знакомство с искусством, самое широкое ознакомление с ним. Программы должны быть построены так, чтобы ознакомление с искусством было бы не самоцелью, а средством воспитания, чтобы воздействующая сила искусства была направ-

лена на воспитание у детей чувства необходимости прекрасного и побуждала их к нему во всей жизни — в отношении к людям, общественности, долгу и т. д., чтобы была воспитана непримиримость к «непрекрасному», чтобы дети были воспитаны активными борцами за прекрасное, его созиателями. Отсюда главное — не знание истории искусства, а умение чувствовать искусство. Знание искусства — это не цель, это только основа, на которой должно быть построено воспитание человеческого в человеке.

Нельзя допустить предвзятость и конъюнктурную узость во взглядах на искусство, а отсюда и на представление о прекрасном. Очень было бы плохо, если бы программы и воспитание были так построены, что мы давали бы детям комплекс штампованных словечек, фраз для выражения «понимания искусства». Представление о необъятности мира чувств, острое желание объять его должны остаться у детей после школы. А штампом, к сожалению, болеют иногда даже искусствоведы и этим обделяют чувства и порывы искусства. Вот это должно быть, на мой взгляд, основными принципами для программы по эстетическому воспитанию. Но для проведения в жизнь этих принципов нужно еще очень много, в частности чтобы ознакомление с искусством было тесно связано с окружающим миром красоты, добра, любви, с природой, людьми, с трудом.

Конечно, хотелось бы много еще сказать, но это было бы целое сочинение. Мне кажется, что было бы очень полезно, чтобы при составлении программы прислушивались к мнению практиков. И очень боюсь, чтобы эстетическое воспитание в какой-то мере не подменили изучением эстетики — это было бы очень плохо. Согласны ли вы со мной?»

Я очень был взволнован и обрадован, получив это

письмо от Афанасия Федоровича Лунева, учителя-энтузиаста. Взволнован сходством наших тревог и обрадован тем, что он, а значит и какая-то передовая часть учительства, так глубоко и серьезно задумывается об истинных задачах эстетического воспитания в школьные годы, о роли искусства в жизни человека.

Учителя-«землепроходцы» А. Ф. Лунев для меня — один из ярких примеров советского учителя не только по должности, но по духу, то есть воспитателя и вожака молодежи, передающего своим ученикам не одни знания, но и горячую и по своей сути оптимистическую увлеченность в создании новой, небывалой культуры — высокой культуры многомиллионных масс. Для меня люди, подобные Луневу, — «землепроходцы» нашего времени, открывавшие новых горизонтов культуры. Поэтому их дела, их думы и тревоги очень важны как показатель духовного роста нашего учительства.

Успехи школы, где работает Лунев, необычайны, и в то же время это типичное явление для нашего необычайного времени. В далеком селе на Харьковщине группа школьников, возглавляемая Луневым, создала художественный музей. Настоящий музей, занимающий 9 комнат старинного особняка. В экспозиции и фондах этого музея более тысячи произведений искусства — и это подлинные, оригинальные вещи. Тут старинные русские иконы и работы ведущих современных советских художников, древнеегипетские статуэтки и произведения искусства Китая и Индии; в музее вы встретите подлинник Александра Иванова (этот к картине «Явление Христа народу»), работы художников Брюллова, Айвазовского, Саврасова, Левитана, Коровина, рисунки Шишкина, Верещагина, Кустодиева, Шевченко, Бенуа, работы Рейсдаля, Милле, Се-

занна, Пикассо, произведения прикладного искусства разных веков и народов.

РАЗВЕ ЭТО НЕ СТРОЙКА КОММУНИЗМА? В течение вот уже восемнадцати лет коллектив ребят собирает его по капле. Музей рождается постепенно. Родили вместе с музеем ребята и их руководитель — Лунев. Родилась и выросла пропагандистская деятельность музея. И как выросла! Музей посещают десятки тысяч человек из других сел района, области, других областей; кроме того, проводятся выездные выставки, беседы... Весь «штат» музея — от директора до уборщиков — те же ребята, и именно они ведут всю его сложную и значительную деятельность.

Дети стали собирать картины, гравюры, скульптуры. Именно это сделало их общественно и политически гораздо более зоркими и активными людьми. Еще на школьной скамье они стали горячими пропагандистами и строителями культуры, стали активными гражданами.

Брюзжащие эстеты — «знатоки» искусства и их антиподы — чиновники от искусства никак не могут понять, в чем же связь эстетического и политического воспитания. Им кажется, что гражданственность — это нечто, привносимое в искусство со стороны. Часто приходится слышать: политическое воспитание важнее эстетического, эстетическое образование нужно налаживать тогда, когда уже будет наложено политическое. Но можно ли оторвать одно от другого? Можно ли противопоставить пахоте плуг?

Бывшие ученики Лунева, уехав из села после окончания школы, пишут своему учителю: «Нам непросто живется, мы ни к чему не можем оставаться равнодушными...»

Кружковцы, окончившие школу, выросли настоя-

щими коммунистами, людьми с пытливой и горячей душой созидателя.

Так же, как спорт дает здоровье телу человека, искусство выпрямляет и оздоровляет человеческую душу. Формируя эмоции, оно участвует в формировании и наших убеждений.

Если люди не испытывают на себе постоянного влияния подлинного искусства, они вырастают с душой очерствевшей, с бедными эмоциональными идеалами, с примитивными взглядами не только на искусство, но и на жизнь. Это отражается на их образе жизни, на отношении к семье, к работе. Отсюда и тревога в письме Лунева.

Пора нам всем пойти вслед за первопроходцами типа Лунева. Но целину на такой огромной территории, как наша, одиночкам поднять невозможно. Художники и педагоги (в самом широком смысле этих слов) должны выступить единым фронтом, на котором у каждого должен быть свой участок борьбы, своя роль.

художники Вот, например, Союз художников объединяет около шести тысяч художников, искусствоведов, критиков. Все они занимаются творчеством. Могли бы они все непосредственно пойти в школы? Откровенно говоря — нет. Не все, во-первых, одарены педагогическими способностями — это ведь тоже дар. Не все обладают, во-вторых, достаточно широкой культурой, чтобы говорить об искусстве во всей его полноте, а не только о «своей» области художественного творчества (хотя для кружка это тоже неплохо).

К тому же в стране существует около 184 тысяч школ. Даже забросив ради эстетического воспитания

детей свое творчество, художники мало что могут изменить.

Мало, если попытаются заменить педагогов, но много, если эту малую армию специалистов призвать на помощь педагогам — как советчиков, как учителей для учителей. Если сделать так, чтобы художники пришли в школы, вошли в педагогические вузы и совместно с педагогами просмотрели, продумали состояние эстетического воспитания во всей сети школ, снизу доверху. Глазами специалистов в искусстве они могли бы увидеть все изъяны и совместно с педагогами, засучив рукава, поискать выход...

Вот тогда эта маленькая армия сможет действительно помочь огромной армии учителей поднять целину.

Огромной армии?

УЧИТЕЛИ Огромной армии?
В Советском Союзе около 100 тысяч средних и неполных средних школ, но на начало 1969/70 учебного года только шестнадцать с половиной тысяч учителей-специалистов (включая специалистов черчения) работало в них по изобразительному искусству. Даже в Москве, наверное, треть школ не имеет профессионально грамотных учителей рисования. В сельских районах и того хуже. Так о какой же «огромной армии учителей» мы говорим? Кому же поднимать целину? Неспециалистам? Ведь, кроме массы средних школ, где нет специалистов, есть еще и тысячи начальных школ, где сейчас специалистов нет «по положению»...

Очевидно, армию нужно создавать, готовить. Абсолютно ясно, что невозможно что-либо изменить без коренной перестройки отношения к эстетическому воспитанию и в школе и в педагогических вузах, без изменения представлений о роли предметов эстетиче-

ского цикла во всем деле воспитания юношества и соответственно в программах и распределении учебных часов, особенно в старших классах школы.

КОМУ ЖЕ ПОДНИМАТЬ ЦЕЛИНУ?

Необходимо помочь заполнить существующий пробел в эстетическом образовании и са- мим учителям. Не только учителям рисования или пения, не только учителям литературы или истории — всем, даже физикам, химикам и математикам. Ведь, хотя бы они того или нет, все равно своим примером, своим отношением к различным явлениям жизни или искусства они все проводят эстетическое воспитание в школе. Именно поэтому ни один педагог или воспитатель не имеет права быть художественно неразвитым человеком.

НУЖНО СОЗДАТЬ И ВООРУЖИТЬ АРМИЮ

Нужно перестроить «ряды»: учебные планы, программы, систему подготовки педагогов — многое. Добиться самого широкого единства в понимании целей и задач этой перестройки. Вот почему так важно правильно и глубоко оценить высказанные в письме Лунева мысли.

Он здесь, конечно, не открывает необычайных истин. Правда Лунева в том, что именно сейчас нам необходимо все это заново продумать и, более того, взять на вооружение, потому что никогда еще в истории человечества перед людьми не стояли задачи столь масштабные, никогда от направления их сози- дательной деятельности так глубоко не зависело будущее развития культуры народа.

Белинский говорил, что чувство красоты и гармонии есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей, понимает природу и явле-

ния в их общности; только с ним гражданин может нести в жертву отечеству и свои личные надежды, и свои частные выгоды; только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не сгибаться под его тяжестью.

ПЕРЕОБРАЗОВАНИЕ — ЕЩЕ НЕ КУЛЬТУРА

Мы часто говорим о пережитках капитализма. Скажите, разве слабое эстетическое воспитание широких масс и вытекающая отсюда бедность эмоциональной жизни не пережиток капитализма? Замечательный французский писатель и летчик, погибший в борьбе с фашизмом, Антуан де Сент-Экзюпери писал об этом явлении капиталистической действительности: «Есть люди, погрязшие в рутине разных профессий, люди, которым недоступны радости изобретателя, радости веры, радости ученого. Кое-кому думалось, что достаточно одеть их, накормить, удовлетворить все их насущные потребности, чтобы возвысить их душу. Но вот мало-помалу из них создали мещан, сельских политиков, техников, лишенных внутренней жизни. Им дают неплохое образование, но это не культура. Тот, кто думает, что культура — это набор выученных формул, — невысокого о ней мнения. Посредственный ученик специального класса лицея знает больше о природе и ее законах, чем Декарт и Паскаль. Однако разве такой ученик способен мыслить, как они?»

Да, мы иногда забываем о разнице между образованием и культурой. Как часто нам встречаются в жизни внутренне некультурные, примитивные, эгоистичные люди с высшим образованием, и, наоборот, — люди без большого образования, но обладающие гораздо более высокой культурой.

Разрыв между уровнем профессио-

нальной выучки и уровнем культуры — одно из самых тяжелых наследий капитализма.

Мы пытаемся бороться с такими пережитками, как пьяниство, грубость, хулиганство, взяточничество и т. д. Но мы боремся тут не с причинами, а только с последствиями явлений. Срываем ядовитые плоды, не стараясь выкорчевать корни ядовитого растения. Мы забываем, что плоды эти — результат определенного процесса, который чужд нашему обществу.

Для капиталистического общества разрыв между образованием и культурой естествен и даже более чем приемлем. Этому обществу нужны грамотные, высококвалифицированные техники. Это общество вполне устраивает, что духовный кругозор таких техников находится зачастую на совершенно примитивном уровне. Телевизор, автомобиль, стиральный агрегат, футбол, виски, комиксы — и человек всем доволен. Это человеческие придатки высокомеханизированного хозяйства. Такие работники — идеал капиталистического общества.

Нам же нужен не полуробот, а Человек, способный построить новое, лучшее общество и способный жить в нем. Нам нужны люди, способные совершенствовать не только производство, но и человеческие отношения.

ТРЕВОГА ХОЗЯИНА Нам необходимо ликвидировать недопустимый разрыв между образованием и воспитанием, между знанием и пониманием. Именно эта диспропорция, сознание неестественности ее существования в нашем обществе не дают спокойно, умиротворенно жить сотням энтузиастов эстетического воспитания, в том числе и учителю Луневу. Казалось бы, что ему

тревожиться — в своей школе он сделал все, что мог... Но Лунева, как и многих других беспокойных людей, не может устроить один, даже сотни таких очагов. И тревога людей, подобных Луневу — тревога Хозяев Своего Отечества.

Да, мы строим не только заводы и фабрики, но и новые отношения новых людей. И если мы отстанем в воспитании граждан этого нового общества, затормозится все дело строительства коммунизма. Ведь без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен. Необходимо подтянуть на этом участке все забытые, упущеные резервы и среди них использовать ни с чем не сравнимую мощь искусства.

Именно на школьной скамье формируется человек, складываются основы его отношения к жизни. После школы идет уже отделка, совершенствование или... переделка. Вот поэтому мне хотелось довести до самого широкого круга читателей и тревогу учителя Лунева и его убежденность.

Занятия, которые дает из-
средство и цель учение предметов литературы, музыки, изобразительного искусства, необходимы и должны быть доступны каждому, но они не цель. Они только путь, средство для того, чтобы проникнуть к мощному роднику искусства.

Но и общение с искусством не цель. Оно тоже средство, тоже только путь к цели.

Воспитывать человека эстетически — значит эстетически формировать его мышление и чувства, его отношение к жизни, к искусству, к труду, к семье, к дружбе, к общей борьбе. Это формирование жизненных представле-

ний по законам красоты. Представлений и действий!

Поэтому так настойчиво наша советская общественность поднимает вопрос о роли эстетического воспитания в общеобразовательной школе. Решение этого вопроса не терпит вуалирования никакими красивыми фразами о достигнутых успехах. Если общеобразовательная школа сегодня же не начнет решительной перестройки своего отношения к эстетическому образованию, то и впредь будут допускаться серьезные огрехи в воспитании целых поколений. Бесполезно мечтать, что люди сами как-нибудь исправят такие пробелы в своем воспитании. «Самотеком» это смогут сделать только единицы...

Общеобразовательная школа должна стать подлинно общеобразовательной, должна дать каждому человеку ключ к пониманию прекрасного, ключ к воспитанию в себе богатого мира человеческих чувств. И такая работа, начинаясь с семьи, детского сада, ложится главным образом на четыре последних класса школы — возраст юношеского становления. Мы должны дать себе ясный отчет: если мы самым решительным образом не перестроим в этом плане программу общеобразовательной школы, нам не добиться воспитания подлинно богатого духовного мира нашего юношества.

ЗАРАЗИТЕСЬ ТРЕВОГОЙ! Мне очень хотелось бы, чтобы тревога человека, чувствующего личную ответственность за строительство нового коммунистического общества, проникла в сердца всех людей, связанных с воспитанием молодого поколения. Проникла и заставила переосмыслить многое в нашей системе воспитания. И в первую очередь — роль в ней гуманитарного образования, эстетического развития.

Мы можем и должны добиться, чтобы всеобщая

грамотность, образованность переросли в высокую культуру всего народа. Это новый этап нашей культурной революции!

Без него нет нам пути в коммунизм! А значит, пора от слов переходить к делу, от агитации к решениям.

Настала пора принимать государственные решения по этому государственному вопросу. Принимать — и выполнять.

И то и другое по плечу нашему обществу. И оно может и должно это сделать с подлинным размахом, на высоте идей, которые вдохновляют нас, — идей коммунизма.

Решения

Шаги

Даже самый долгий путь начинается с одного шага.

Документы, документы, документы! В этом раз деле я буду приводить их не раз. Пусть мне будет прощено это — в документах сила начавшегося перехода от агитации к делу, сила реальных шагов.

1970 году суждено было стать переломным в отношении многих людей к делу духовного, эстетического воспитания юношества.

Многие годы композиторы, художники, писатели — все люди, встревоженные нарушением гармонии в образовании и развитии молодежи, стучали в двери общеобразовательной школы. И этот стук был услышан. Монолог превратился в диалог, в который включились люди и организации, способные, имеющие право и возможности не только призывать, но и решать затронутую в этой книге проблему. Период

осознания постепенно начал переходить в период решения проблемы на практике.

Первым шагом явилось создание при Президиуме Академии педагогических наук СССР, то есть в сердце педагогической мысли нашей страны, Проблемного Совета по эстетическому воспитанию. В Совет вошли многие из тех, кто стучал в дверь... Во главе Совета встал истовый и несгибаемый пропагандист гармонического воспитания юношества композитор Д. Б. Кабалевский.

И вот на одном из первых же заседаний Совета было принято решение:

«Обсудив на заседании Совета меры, направленные на улучшение художественного воспитания школьников, Совет по эстетическому воспитанию постановляет:

По школе

1) Признать, что художественное воспитание должно осуществляться в школе на протяжении всех 10 лет обучения в виде классных занятий в различных формах, но в обязательном порядке для всех учащихся. Внеклассная и тем более внешкольная работа по художественному воспитанию должна базироваться на классных занятиях, дополняя, но ни в коем случае не заменяя их.

В учебных программах должно быть восстановлено гармоничное соотношение между наукой и искусством, как двумя равноважными и взаимонезаменяемыми формами познания мира и воспитания личности.

2) Ввиду практической невозможности быстрого и одновременного перехода всех школ к 10-летнему художественному воспитанию (поскольку подготовка необходимой для этого материально-технической базы и особенно необходимого для этого числа квалифицированных учителей потребует еще много лет), начать этот переход постепенно...

Не стоит приводить все решение. Но дух его ясен — начать постепенное, поэтапное, но обязательно планомерное движение вперед.

Дальше было слово за министерством.

«РЕШИТЬ ВОПРОС НЕВОЗМОЖНО...» «Решить вопрос невозможно...» Так сказал на заседании «круглого стола» в «Советской культуре» член коллекции Министерства просвещения РСФСР товарищ Ф. Гармонов. И призвал... пожалеть ребенка!

«...Все это хорошо, все это важно, нужно, но я как педагог должен иметь в виду еще и ребенка. А мозг ребенка — это не бездонная кладовая. Десять лет — вот лимит времени, причем резервы все использованы... Если говорить о преподавании пения и рисования с первого по десятый класс отвлечено от учебного плана и программы школы, то я — за это. Но мы практически сейчас этого сделать не в состоянии, потому что есть лимит времени и есть лимит возможностей ребенка...» *

Как все просто: «Не можем!» А мы-то говорим о недопустимости существующего сейчас однобокого развития, о необходимости гармоничного развития каждого строителя коммунизма...

Конечно, любая перестройка не проста. Но если народ найдет эту перестройку не-

* Газета «Советская культура» от 13 ноября 1969 года.

о б х о д и м о й , у б е ж д е н , на и д у т с я и п у т и и с р е д с т в а ! В е д ь б ы л и у ж е э т о м у п р и м е р ы в и с т о р и и с а м о й ш к о л ы .

Конечно, ничего не менять спокойнее. Но недопустимо не менять, когда мы видим, что фактически миримся с неправдой (рисование и пение по учебному плану есть, но есть ли оно в сотнях, тысячах школ в действительности?).

Мне хотелось бы, чтобы товарищ Гармонов и те, кто думает, как он (а он явно не один так думает), сняли с глаз привычную повязку и увидели то, что видят сейчас уже многие — недопустимость промедления и бездействия! Я очень надеюсь встретить в тов. Гармонове и во всех его коллегах в ближайшие же годы не скептиков, а энтузиастов решения этой государственной проблемы.

мудрость государственного решения

впервые стало ясно в Ереване.

Каждый из нас знает притчу о Вавилонской башне. Был когда-то на земле город Вавилон, для нас это седая древность. И от города, и от народа, его построившего, остался лишь яркий след в истории человечества. Но не все знают, что на нашей советской земле живет молодой и полнокровной жизнью ровесник Вавилона — Ереван. В городе живут потомки тех людей, того народа, что построил здесь город более 2750 лет тому назад, в другую, непередаваемо иную эпоху. Когда ходишь по современному Еревану, городу молодому, бурно развивающемуся, трудно поверить в его глубокую древность. Но суровая и прекрасная земля Армении наполнена памятниками истории и культуры.

Когда я слушал на VII сессии Верховного Совета

То, что уже очень многие это понимают именно так и готовы от слов переходить к делу, мне

Армении выступления делегатов — министров, секретарей обкомов, представителей горсоветов, ученых и художников, — два дня внимательно обсуждавших единственный вопрос: «О состоянии эстетического воспитания молодежи в республике и мерах по его улучшению», я думал о тысячелетиях развития культуры этого народа, тысячелетиях, оставивших нам не только камни истории, но и большие традиции. Я радовался мудрости самой постановки этого вопроса на высшем государственном форуме республики.

«Воспитывать человека в высоком смысле этого слова — вот основная задача эстетического воспитания молодого поколения», — сказала докладывающая этот вопрос на сессии Л. А. Степанян, заместитель председателя Совета Министров Армянской ССР. — ...Сегодня перед всеми звеньями эстетического воспитания стоит одна проблема — как научить человека не только понимать искусство и тонко ценить прекрасное, но и руководствоваться в своей повседневной деятельности чувством прекрасного, сознательно созидать коммунистическое будущее...

У молодого поколения необходимо воспитывать восприятие смысла человеческого существования, красоты человеческой личности, могущества его духа. И это надо начинать еще с детского сада, со школы».

Отметив усилия, предпринимаемые в этом направлении разными организациями, и улучшение общего положения, товарищ Степанян совершенно справедливо подвергла критике разобщенность и недостаточность этих усилий: «Эстетическое воспитание осуществляется не по единой, научно обоснованной системе, охватывающей все стороны учебно-воспитательной работы дошкольных учреждений, общеобразовательных и профессионально-технических школ, вузов и техникумов».

ВНЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ

Да, к сожалению, пока вне единой, научно обоснованной системы. Нельзя сказать, что у нас мало занимаются с талантливыми детьми. Большое количество блестящих детских коллективов и талантливых ребят за служенно завоевывает славу, награды и призовые места на конкурсах, соревнованиях, выставках. Но нельзя забывать, что это всего 15 процентов детей, а как же остальные 85 процентов?

Такое построение художественного воспитания явно незакономерно для общества, задачей которого является гармоничное развитие каждого гражданина. Разделение детей на категории со школьных лет (одаренных и неодаренных), особое внимание к развитию одних и пассивность по отношению к художественному развитию других — это аномалия в нашей советской системе воспитания, которая должна быть как можно быстрее ликвидирована. Да, пора приступить к созданию Единой Системы Эстетического Воспитания — именно так был поставлен вопрос на сессии.

Но это только одна сторона проблемы. Кроме системы, нужны еще время и люди. Поэтому было поручено Министерству просвещения Армянской ССР рассмотреть и решить вопрос об увеличении часов преподавания предметов по искусству в средних школах республики,.. создать во всех городах и районных центрах методические кабинеты для оказания систематической помощи преподавателям этих предметов.

Одновременно и в речах депутатов и в и учителя... докладе остро прозвучала тревога за состояние эстетического воспитания самих педагогов. Необходимо создавать такую систему обучения, чтобы каждый учитель, независимо от своей узкой специальности, мог заниматься одновременно и эсте-

тическим воспитанием — так записано в решении сессии.

Проблема поставлена очень точно. Каждый педагог, хочет он того или не хочет, всю свою жизнь занимается эстетическим воспитанием (или антивоспитанием): любое его действие, мнение, жизненная позиция воспитывают ребенка и эстетически. И какие бы ни пришли в школу прекрасные специалисты по искусству, без взаимодействия со всеми педагогами школы они не смогут решить эту огромную задачу.

Именно поэтому во всех педвузах Армении решено преподавание эстетики сделать обязательным, а во всех школах решено создать Эстетические советы, а для координации мероприятий Республиканский совет по эстетическому воспитанию учащихся.

Да, древний и юный Ереван подарил стране прекрасную инициативу. Эта государственная проблема получила наконец первое подлинно государственное решение.

ОБЩЕСОЮЗНЫЙ ПЛАН ПЕРЕСТРОЙКИ

А вот и второе, уже общесоюзное.

Цитирую документ: «О мероприятиях по оказанию помощи в осуществлении решения № 32 Коллегии Министерства просвещения СССР от 4.XII.1970 г. «О мерах улучшения эстетического воспитания».

«Решение Коллегии Министерства просвещения СССР «О мерах улучшения эстетического воспитания» ставит задачу подготовки в течение 10 лет (до 1980 г.) коренного улучшения художественного образования в общеобразовательной школе. Академии педагогических наук дано задание на разработку к 1980 году единой системы эстетического воспитания с первого по десятый класс на уроках и во внеурочное

время. Одновременно Министерствам просвещения союзных республик дано задание подготовить к 1980 году условия для введения этой системы во всех школах страны: обеспечить все школы к 1980 году педагогами-специалистами по изобразительному искусству и музыке, а также соответствующим оборудованием и материалами.

Таким образом, в стране начинается всесторонняя подготовка к введению с 1980 года фронтального художественного образования и воспитания учащихся во всех классах общеобразовательных средних школ.

Секретариат правления СХ СССР считает, что одной из первых задач, которая должна решиться Союзами художников в ближайшее время, является активное содействие кардинальному улучшению художественного развития и обучения в общеобразовательных школах страны»*.

Секретариат Союза художников СССР счел необходимым обязать все республиканские Союзы художников принять активные меры помощи в реализации этого решения. Да, наконец принято решение Министерства просвещения СССР. После долгой совместной работы творческих союзов и министерства принят десятилетний (должен быть реализован к 1980 году) государственный план создания новой, целостной системы эстетического воспитания в общеобразовательной школе. Фактически вся работа разбита на два этапа.

Первый этап — до 1980 года. Его задача — всесторонняя подготовка, научная и организационная, необходимых изменений.

* Выписка из протокола № 6 заседания Секретариата правления Союза художников СССР от 3 марта 1971 г.

Второй этап (после 1980 г.) — внедрение Единой системы в жизнь всех школ страны. Пока подробно оговорены лишь задания и конкретные сроки исполнения первого этапа. Конкретизация сроков и задач разных органов на втором этапе, очевидно, со временем потребует специального решения.

Если все мы будем повсеместно и постоянно, контролировать ход выполнения решения, то можно надеяться на коренное улучшение всей работы по эстетическому воспитанию и образованию в школах страны.

На первом этапе (к 1980 г.) предусмотрены действия ответственных органов народного просвещения (совместно с творческими союзами) в двух направлениях. И только успех в работе обоих направлений может гарантировать выполнение задач первого этапа.

Первое направление — проведение широкого эксперимента по разработке оптимальной для нашего общества, научно обоснованной Единой системы эстетического воспитания школьников. Решение этой задачи возложено на Академию педагогических наук СССР, на ее научно-исследовательские институты. В задачу этого эксперимента входит определение «содержания образования по предметам эстетического цикла в первых-десятых классах средней школы и разработка единой системы эстетического воспитания, охватывающей классную, внеклассную и внешкольную работу по эстетическому воспитанию» (решение № 32 Коллегии Министерства просвещения СССР).

Здесь фактически сказано о двух важнейших сторонах этого поиска. Одна из них — определение содержания образования, то есть определение того минимума знаний и развития в области эстетического воспитания,

который общество обязано дать каждому юному гражданину, а также поиск гармонического сочетания объема и сути знаний в области искусств и в области наук, восстановление нарушенной гармонии.

Второй стороной поиска является установление внутри самого эстетического цикла логики, гармонии между знаниями, даваемыми на специальных уроках (музыка, литература, изобразительное искусство и, возможно, основы художественной культуры в старших классах), с одной стороны, и эстетическим развитием, которое ребенок может получить на остальных предметах, а также через все виды внеklassных и внешкольных занятий — с другой.

Вторым важнейшим направлением на это десятилетие становится задача всесторонней подготовки школ к проведению Единой системы в жизнь. Выполнение этой задачи возложено на республиканские министерства просвещения и соответствующие управления Министерства просвещения СССР.

Чтобы подготовить школу к проведению в жизнь Единой системы, необходимо решить две не очень простые проблемы.

Первая проблема — педагоги. Вторая — материальное обеспечение возможности квалифицированного проведения занятий в каждой школе. Эти задачи тесно связаны между собой. Если не будет решена вторая, обесценивается и выполнение первой.

Нельзя быть идеалистами и ожидать, что педагоги будут квалифицированно и увлеченно работать без

кабинетов, без пособий, без учебников, без инструментов и материалов. Поэтому особое значение имеет пункт решения, обязывающий «оборудовать в ближайшее время классы-кабинеты изобразительного искусства и музыки во всех школах, где имеются преподаватели-специалисты этих предметов, обеспечив соответствующими кабинетами к 1980 году все школы страны». Поэтому так необходимо внимательно следить за повсеместным выполнением этого и всех других пунктов решения по вопросам материального обеспечения занятий.

И также необходимо во всех республиканских министерствах просвещения (с помощью творческих союзов) выполнить важнейший и сложнейший пункт решения: «Разработать мероприятия по обеспечению к 1980 году всех средних школ преподавателями изобразительного искусства и музыки с высшим и средним специальным образованием». А это долгая и кропотливая работа.

Для ее выполнения в решении намечено много конкретных предложений и первоочередных мероприятий.

Поиски энтузиастов

Однако много шагов вперед уже было сделано и до принятия решений. Десятки, сотни энтузиастов по всей стране изо дня в день ставят никем не запланированные и не субсидируемые опыты по выработке элементов той самой Единой системы эстетического воспитания, работа над которой поручена АПН СССР.

Рассказать обо всей их работе в этой по всей стране книге невозможно, да и вряд ли нужно. И то, что сделано в селе Пархомовка, только один из многих таких экспериментов.

Но как часто возникали такие родники нового, примерно так же часто они гибли без поддержки, почти не оставив следа, — реки, уходящие в песок...

Создание системы должно стать тем руслом, в ко-

тором сольются и не пропадут поиски и бесценный опыт отдельных педагогов и целых коллективов.

Не дать этим рекам уйти в песок забвения, иссякнуть...

Такая возможность есть... Стихийные поиски уже сейчас много могут дать в разработке методики преподавания искусства в школе. Самое главное: они уже доказали, доказали экспериментально, возможность художественного развития каждого ребенка.

СОВСЕМ МАЛЕНЬКАЯ... Девочка с беленькими бантиками. Когда увидел ее, удивился — до чего же маленькая! Ручка едва обхватывает мой палец. А на стенах висели ее многометровые работы. И какие работы!

Взрослые, умудренные знаниями всех законов живописи, художники качали головами, наслаждаясь и удивляясь, — откуда такое богатство! Да, маленькая девочка Ия, несомненно, необычайно одарена.

Будет ли она художником, будет ли она так же радовать людей через 20—30 лет? Кто знает? Но дар пробудился.

Сколько талантов пробуждается в этом нежном возрасте!

А сколько не пробуждается?..

Может быть, этот мальчик, тоскливо рисующий в своей тетрадке по рисованию крынку и не понимающий, зачем она ему нужна, не менее одарен, чем Ия? Просто ей повезло — Москва, заметили, поддержали, развили. А этого паренька из села, где за сотни километров ни одного достаточно грамотного в этой области учителя нет, не поддержали, не развili во-время.

Каждый нормальный, здоровый ребенок — один более, другой менее, — но одарен! И слух и зре-

ние каждого ребенка могут быть развиты, а главное, каждому можно открыть через искусство радость творчества — такая возможность заложена в каждом. Но лишь возможность...

И смею утверждать, что наша вина, вина взрослых, в том, что многие ребята лишены этой огромной радости на всю жизнь. А сколько она родила бы в них сил для необычайных свершений — все равно в искусстве ли, в технике ли, науке!

На Международном конкурсе детского рисунка в Дели премию получили и Ия, и еще 12 советских детей. Среди лауреатов конкурса уже не первый раз были и ребята из ленинградского детского сада № 29. Особый отбор там, что ли?

Я побывал в этом детском саду.

Нет, самый обычный сад, самые обыкновенные ребята из семей трамвайщиков.

Самые обыкновенные, но в то же время и необыкновенные, педагоги. Коллектив воспитателей единодушно — и тут огромная заслуга заведующей этим детсадом Шатуновой — овладел методикой, выработанной группой ленинградских педагогов-энтузиастов во главе с заслуженным учителем художником Левиным.

Да, детсад № 29 широко известен, но, по сути, его главная заслуга не призы и награды детей на международных конкурсах, главный успех — во «фронтальности». Детсад экспериментально доказал, что рисовать может каждый ребенок при условии правильной подготовки и верной методике преподавания.

И в школе, даже при существующих учебных планах, хороший художник-педагог может творить чудеса. Я недавно убедился в этом на примере маленького города Аткарска, в котором работает один из таких педагогов.

Незадолго до того как я попал в Аткарск, я побывал с группой деятелей культуры в Японии на симпозиуме двух стран по эстетическому воспитанию. Мы были поражены тем, как решена в Японии проблема учебных часов для искусства в школе, насыщенностью школ специалистами и прекрасными материалами для детского творчества. Такого мы еще не встречали даже в самых развитых странах, поэтому не удивлялись высокому качеству рисунков, аппликаций и других детских работ по искусству.

И вот неожиданно в маленьком городе Аткарске художник-педагог В. И. Пегушев, ведя работу не в кружках «для талантливых», а именно «фронтально», со всем классом, создал с ребятами образцы аппликаций и других работ, не уступающих по уровню детским работам, виденным нами в Японии.

«Вспомнилось, — рассказывает Пегушев, — как после зимних каникул Вася притащил на урок тяжелую коробку с двенадцатью баночками красок, бухнул ее на парту и заорал: «Отец со дна морского достал!»

Он не торопясь отвинчивал крышки, и все ревниво следили за его руками... А потом вразнобой советовали, как извлечь оттуда совершенно окаменевшие краски.

Больше он их не приносил...»

И вот передо мною работы этого Васи и других ребят. Какая тонкая гармония красок, линий, чувствуется в этих детских работах! Какая светлая радость!

И главное — из чего! Трудно добить в Аткарске

хорошую бумагу, краски и даже цветные карандаши. Но энтузиастов это не остановило. Они использовали то, что было под рукой. Тут и пластилин, и обрывки тетрадных обложек, журналов, плакатов, оберточной бумаги — чего тут только нет!

Единственно, чего тут нет — нет скуки, нет безвкусицы. Есть радость творчества.

Оказалось, даже на простых подручных материалах можно не только познакомить детей с художественным творчеством, но открыть его «фронтально», для всех ребят. Для этого, конечно, нужно быть Художником, а не просто человеком «графически грамотным» — только таким и должен быть, я думаю, учитель Искусства.

Развить слух у других может лишь человек, обладающий музыкальным слухом. Только человек, обладающий развитым чувством красоты, цвета, света, линии, конструкции, может передать детям способность воспринимать и ценить эти качества. Утверждение о том, что учитель Искусства сам может не быть творческой личностью — глубокое заблуждение. Учитель Искусства — это двойная грамота (художник плюс педагог), двойной талант.

Именно поэтому в программе Единой трудовой школы (1921 год) было записано, что самое главное — поставить художника-педагога в такие условия, чтобы он мог, продолжая свою деятельность в области чистого искусства, не терять связь с художественным миром. Мы как-то забыли об этом.

Заражать можно лишь тем, чем болеешь сам, чем увлечен. Детей не обманешь. Такие радостные, светлые работы дети могли создать только рядом с очень увлеченным человеком.

Энтузиасты маленького города Аткарска еще раз убедительно доказали, что даже при отсутствии ма-

териалов, условий и мизерности школьных программ и часов (отведенных художественному воспитанию) талантливый специалист может сделать очень многое. И с полным правом мог сказать ребятам старый солдат и учитель Пегушев: «Мы, саперы, под шквальным огнем фашистов строили мосты и переправы. Строили из чего придется, что оказывалось под рукой. Но прочно. Иначе нельзя. Это называлось — строить из подручных средств.

Вы тоже из подручных средств сооружаете мост. Мост из впечатлительного детства к Новому дню, по которому пронесете все самое лучшее, что есть у человека».

Что ж, Аткарск может гордиться. Честь и слава его педагогам, руководителям, помогавшим художнику.

Эксперимент Пегушева равнозначен, параллелен опыту детского сада № 29 Ленинграда. Его смысл — массовость.

Подобные эксперименты проводятся энтузиастами-педагогами в разных уголках страны. Конечно, более эффективные результаты можем мы встретить в художественных школах, Домах пионеров, студиях, клубах. Но я не говорю о них — там нет и не может быть подлинной массовости (вспомним — в них участвует только полтора процента общего числа наших детей).

Но важно, чтобы их опыт как можно быстрее перешел в широкую практику школ. А это возможно лишь при условии, что в каждой школе было бы достаточно часов для преподавания «художественных» дисциплин, чтобы работал в ней квалифицированный специалист — на одном энтузиазме массовой системы не построишь.

ЭКСПЕРИМЕНТ КОММУНАРОВ

И еще один эксперимент, совсем иного характера. Признаюсь, я даже не сразу — только через несколько лет — понял, что он имеет прямое отношение к эстетическому воспитанию. Его авторы, может быть, до сего дня в этом не уверены...

Эксперимент... Как не подходит это слово к напряженной жизни детского коллектива. Сейчас коммуна завершила какой-то этап своей жизни и уже «осмыслила» многое из своего опыта. «Старые» коммунары уже закончили институты (кстати, многие стали педагогами), и ими написана коллективная книга о коммуне... *

А началось все с эксперимента по организации детского коллектива (в данном случае пионерского актива Фрунзенского района Ленинграда) на более самостоятельных и творческих основах: «Гайдар» плюс «Макаренко». Творческие дела, активность снизу: «Думай сам, сам решай, сам отвечай». Небольшие, постоянные, межвозрастные отряды, собственно, «семьи» с младшими и старшими. Забота и ответственность!

Взрослые — только советчики, но не начальники. Сами решайте — сами ошибайтесь. Это легче сказать, чем сделать... Но там это удалось. Была найдена, выработана в процессе жизни коллектива очень единственная и гибкая методика. Удалось добиться самостоятельности, активности и ответственности ребят-коммунаров.

Перед коммунарами встала потребность осмыслить свою жизнь, свои связи с людьми; свои представления они облекли в лозунги-законы, которые, наверное, можно охарактеризовать и как эстетические:

* Сборник «Фрунзенская коммуна». М., «Детская литература», 1969.

Высшая награда — улыбка товарища!

Или:

Правда, но без громких фраз,
Красота, но без прикрас,
И добро не на показ —
Вот что дорого для нас.

И постепенно человечность, красота взаимоотношений детей и их отношения со взрослыми стали в коммуне естественным законом общения и жизни.

Творческое отношение к своим обязанностям, готовность прийти на помощь, человеческая красота всего ряда взаимоотношений стали той средой, тем методом жизни, на фоне которого апробировались и закреплялись все специальные научные, художественные, политические знания, получаемые в школе.

Фактически в этом эксперименте вся общественная жизнь ребенка, его взаимоотношения со взрослыми, с другими детьми были осмыслены как элементы воспитания красотой — гармонией.

Постижение красоты или уродства человеческих отношений не в книге, не в фильме, не на картине, а прежде всего в собственной жизни, в собственных поступках — вот то важнейшее экспериментальное поле, где ребенок может зафиксировать в своей личности, в привычках, в потребностях все знания о жизни, о ее законах, о том, что человечество, его Родина, его общество считает прекрасным или безобразным. Собственно, это то поле, где он в жизненной борьбе впервые пытается найти, отстоять (а, значит, и более четко сформулировать) свое жизненное кредо.

В коммуне удалось создать наиболее благоприятные условия для гармонического развития ребят, для

фиксации идей социалистического, коммунистического гуманизма через эмоции, через эстетические чувства в общественной жизни.

Я не буду здесь подробно рассказывать об очень интересной и четко разработанной методике коммунарской жизни и деятельности. Желающие всегда могут прочесть их книжку.

Создавая Единую систему, нам необходимо изучать, осмысливать и подобные эксперименты и опыты, чтобы использовать их результаты.

Опыт государственных решений

Кроме опыта отдельных энтузиастов, есть значительный опыт советских республик.

Смысл государственного эксперимента, в отличие от индивидуального или группового, в возможности законодательного закрепления достижений, длительного и целеустремленного планирования.

РОЖДЕНИЕ НОВЫХ ТРАДИЦИЙ И, конечно, самым интересным и решительным представляется сейчас опыт Армении, вынесший проблему эстетического воспитания на высший форум республики.

В этом плане мне кажутся особенно ценными попытки создать новые прогрессивные традиции в эстетическом развитии детей. Когда мы говорим о хорошей постановке музыкального, например, воспитания

в республиках Прибалтики, всегда при этом добавляем: да, у них традиции... А у нас, мол, нет, и ничего тут уж не поделаешь.

Опыт Татарской АССР в этом плане чрезвычайно необычен и интересен.

Не было никаких особых традиций.

Но вот факультатив по искусству, который очень слабо вошел в практику школ по всей стране (только три процента!) вдруг именно в Татарии пошел широким фронтом — более шестидесяти процентов школ уже охвачено им. Случайность?

Несомненно, это итог целенаправленных действий не отдельных энтузиастов, а государственных организаций.

Так, в Татарской АССР были созданы новые культурные традиции. Была создана действенная и действующая уже не один год сеть подготовки и переподготовки педагогов для проведения занятий по искусству. Созданы и условия, при которых каждая школа заинтересована в проведении таких занятий.

Фактически Татария уже стоит на пути превращения факультативов по художественной культуре в обязательный для каждого школьника предмет.

Но, кроме армянского и татарского опытов, в нашей стране существует огромный опыт в республиках Прибалтики.

Эксперимент по системе художественного образования с первого по десятый класс проводится уже в тридцати школах Эстонии (а преподавание музыки с начальных до последнего класса там существует по учебному плану). Тридцать школ — для маленькой Эстонии это много. Если учесть, что более половины из них сельские, то станет ясен весь интерес и

размах этого, уже подлинно государственного эксперимента.

В Эстонии уже в течение нескольких лет проводится опыт и в иных направлениях. Была создана сеть школ с художественными классами и общеобразовательные экспериментальные школы с увеличенным количеством часов, отводимых для преподавания художественных дисциплин.

Такие опыты проводятся и в других республиках Прибалтики. Очень интересен опыт Латвии, где уже много лет существует система советов эстетического воспитания и в Министерстве просвещения и в каждой школе.

Председатель Рижского городского совета эстетического воспитания тов. Л. Я. Рейзинга рассказывает, что такие советы действуют как слаженная сеть уже более десяти лет, держа под своим контролем буквально каждую школу и каждого педагога по музыке и изобразительному искусству.

Постоянные семинары для председателей школьных советов, на которых присутствуют директора и завучи школ, способствуют улучшению преподавания предметов эстетического цикла во всей сети и подъему внеклассной и внешкольной работы по искусствам.

опыт революционной России

Сейчас нам очень полезно присмотреться к поискам и размышлению о постановке дела эстетического воспитания молодого поколения, которые относятся к первым послереволюционным годам, к героической поре становления нашего государства, нашего социалистического строя.

Ведь, собственно, все, что мы сейчас пытаемся найти, отстоять, утвердить, начали искать уже в то време-

мя люди высокой культуры, подлинные коммунисты, первые энтузиасты советской школы. Нам есть на что опереться. У нас прекрасные традиции.

«Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать основы всех наук и всех искусств. Будь вы саможник или профессор химии, если у вас закрыта душа к любому из искусств, — значит вы урод, такой же, как если бы у вас не было одного глаза, или бы вы были глухим, ибо образование человека заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях, идущих на пользу человека, или на его утешение, или просто на наслаждение жизнью, чтобы все это было доступно каждому человеку» — так писал Луначарский, первый народный комиссар просвещения, соратник Ленина.

Искусству отводилось важное место в деле становления новой, революционной культуры, новых человеческих взаимоотношений, и поэтому придавали такое значение его проникновению в широкие массы. И сегодня интересно и полезно перечитать строки, над которыми склонились в раздумьях педагоги первых советских школ.

«Искусство организует человеческие сердца в массе, как наука организует головы и дает непосредственным своим результатом моральный подъем масс... Таким образом, мы склонны думать, что искусство имеет прямую связь со всей работой по образованию общественной души» (А. В. Луначарский).

«И надо отдать себе отчет в том, что одной из необходимейших предпосылок возможности осуществления коллективизма является тесная связь между людьми, близость их между собой, способность до конца понимать друг друга...

Надо помочь ребенку через искусство глубже осознавать свои мысли и чувства, яснее мыслить и глубже чувствовать; надо помочь ребенку это познание самого себя сделать средством познания других, средством более тесного сближения с коллективом, средством через коллектив расти вместе с другими...» (Н. К. Крупская).

«Старая школа почти не давала эстетического воспитания, да и не могла давать его; эстетическое воспитание есть прежде всего развитие эстетического творчества, но эстетическое творчество, конечно, невозможно было в той школе, которая вообще не культивировала творчества» (П. П. Блонский).

«Эстетическое воспитание должно войти в школу в виде воспитания творческого чувства детей. Надо научить детей ощущать внутреннюю волю к свободному действию и посильной борьбе за выполнение своих замыслов...

Нельзя воспитать волю к труду, не воспитав воли к творчеству, радости творчества...

Надо знать жизнь, проникновенно понимать все в ней и уметь управлять ею. Это знание и это умение дает наука через труд. Но для понимания и умения сознательно управлять жизнью надо уметь ощущать ее и высказывать свои ощущения, творчески жить и выражать свою творческую волю, силу для этого даст эстетическое воспитание через искусства». (Из Программы Единой трудовой школы, 1921 г.)

В той же Программе говорилось:

«Господствующее долгое время мнение, что рисование необходимо только будущим художникам, а лепка — скульпторам, что успешность занятий этими искусствами обуславливается наличием природных дарований, талантом, наконец, отошло в область преда-

ний... Современная педагогическая мысль начинает придавать искусствам как средству образования и воспитания равнозначное с науками значение... С этой точки зрения массовое распространение познаний и навыков в области изобразительных искусств... приобретает государственное значение».

Я могу неустанно, с наслаждением говорить о поисках того времени и, собственно, сегодняшняя волна борьбы за утверждение в советской школе гармонии между научным и художественным знанием мне представляется прямым продолжением и утверждением в жизни мысли тех лет о высокой роли художественного развития.

Но в те тяжелые для молодого государства годы этим принципам художественного воспитания, к сожалению, не дано было утвердиться в советской школе.

Но сколько интереснейших опытов по подлинному художественному и эстетическому развитию было поставлено в те годы! И какие поразительные были результаты, какие талантливые люди работали на этом поприще...

В те годы было заложено начало принципиально новой, революционной концепции школы и роли в ней эстетического развития детей.

Нам нельзя забывать это. История показала верность такого пути. Верность нашего, советского, в те годы рожденного понимания задачи воспитания и образования как задачи формирования гармонически развитой личности, каждого члена общества, верность рожденных тогда представлений о роли в этом процессе искусства.

История показала верность классовой, социальной тенденции этих поисков в эстетическом воспитании.

И если в их подвижнической деятельности были и находки и потери, то кому, как не нам, по-хозяйски разобравшись, взять на вооружение все лучшее, что дала огромная экспериментальная работа Единой трудовой школы.

Зарубежные поиски

Несоответствие старых, буржуазных задач и методов преподавания искусства в школе гармоническому развитию человека, устремленность передовых слоев общества к идеалам именно такого развития, несоответствие места, занимаемого искусствами в системе и методах обучения в общеобразовательных школах Запада, задачам формирования человека завтрашнего дня сознательно или бессознательно чувствуют все передовые педагоги, художники, прогрессивная общественность за рубежом.

Большой опыт в преодолении отсталых буржуазных взглядов на важнейшее дело воспитания подрастающего поколения накопили педагоги дружественных социалистических стран.

«Кодай осознал вдруг с точки зрения композитора,

что ему не для кого сочинять музыку, что композиторская программа — возвратить народу его музикальную сокровищницу — не может быть осуществлена одними только композиторскими средствами. Дальнейшее развитие этой мысли было вполне логичным: нужно сделать народ способным к восприятию музикальной культуры, вернее... через восприятие музикальной культуры к восприятию совокупности человеческой культуры». Так характеризует венгерский музыкант Тибор Шараи истоки неудовлетворенности, породившие появление и развитие интереснейшей педагогической системы музыкального образования Золтана Кодая, названной «релятивной».

Послевоенные десятилетия были для педагогической науки Запада эпохой бурных метаний от полного механического подавления индивидуальности ребенка до прямо противоположного «обожествления» его природной способности к искусству.

Теория «спонтанности» детского творчества, недопустимости какого-либо взрослого влияния на этот процесс на долгие годы увлекла педагогов. Но этому наивному увлечению подходит конец. Даже американские специалисты (наиболее ярые его сторонники) начали понимать, что идеалистическая концепция ребенка как врожденного художника, которому нужно получить лишь художественные материалы и ничего больше, чтобы начать творить, принесла такой же вред, как прежнее игнорирование детского творческого импульса.

Таким образом, с каждым годом опыты передовых и инициативных педагогов направляются к поискам системы, обеспечивающей через обучение искусству развитие человека.

Конечно, у каждой страны тут не только свои традиции, но и свои возможности. Поиски педагогов социа-

листических стран большей частью характеризуются более ясной, философски осмыслинной с марксистских позиций целью.

БОЛГАРИЯ «Мы преодолели старую привычку рассматривать предметы эстетического цикла, особенно пение и рисование, как «технические предметы», и они заняли подобающее место среди других дисциплин», — говорит один из руководителей болгарского эксперимента, проводящегося в государственном масштабе (300 школ), профессор Жеко Атанасов.

«Мы стремимся... использовать все потенциальные возможности. Хотим создать целостную систему эстетического воспитания, которая охватывала бы преподавание всех предметов и саму организацию школьной жизни, — продолжает Атанасов. — ...Эстетическое воспитание не ставит своей задачей подготовить обязательно художников, музыкантов, писателей. Оно должно пробудить творца в каждом человеке...»

По новому экспериментальному учебному плану литература, рисование и пение преподаются с первого по одиннадцатый класс... Коренным образом изменено содержание программ по рисованию. Они основаны на ...синтезе обучения и воспитания. Усовершенствована программа по пению и музыке... Нас не может удовлетворить только элементарная нотная грамотность, мы стремимся к более широкой, всесторонней музыкально-эстетической культуре...

Основательно улучшена программа по литературе... В области методики большое внимание обращено на эстетический анализ произведений, без которого постижение их социального смысла остается, по существу, неполным, односторонним и сухим. Преподавание ли-

тературы теперь непосредственно связывается с задачами эстетического воспитания».

Как мы видим, задачи, стоящие перед болгарскими товарищами, тождественны нашим.

Можно найти много интересного и в польском эксперименте. Здесь, конечно, есть и находки, но есть и ошибки. Ведь, как говорит автор этих программ Станислав Стопчек реализуемая ныне программа воспитания искусством является первым такого рода экспериментом в истории польской школы.

Такого рода эксперименты идут сейчас во многих странах. Здесь невозможно перечислить все, даже из того, с чем мне удалось познакомиться.

Строя нашу систему, мне кажется, стоит особенно внимательно присмотреться к двум очень интересным, хотя тоже неполным, частичным системам.

ВЕНГРИЯ Я говорю о системе преподавания изобразительного искусства в Японии и музыки в Венгрии. Обе системы очень демократичны по своим основам. Я, конечно, меньше всего готов судить о формах и методах музыкального образования, разработанных группой педагогов во главе с композитором Золтаном Кодай, но то, что они сами рассказывают о ней, привлекает цельностью решения и общественной значимостью поставленной задачи.

«Было необыкновенным счастьем, — сказал на заседании ИСМЕ Тибор Шараи, — что музыкально-педагогическая система, могущая охватить весь народ, была почти полностью разработана в тот момент, когда мы могли приняться за революционное изменение невероятно отсталых общественных отношений в Венгрии и когда мы, вступив на путь социалистического общественного развития, национализировали школы...»

Далее оказалось счастливым обстоятельством, что политическое руководство страны... приняло на свое вооружение концепции музыкального воспитания Кодая».

Тибор Шараи очень интересно характеризует основные принципы этой системы и ее политический и гуманистический аспект.

ВАЖНЕЙШИЙ И ДЛЯ НАС! «Пожалуй, важнейший наш вывод заключается в том, что глубокое, охватывающее весь народ музыкальное воспитание может быть организовано в школе и детском саду лишь на основе единых принципов и учебных планов...

На Западе кое-кто говорит, что эта установка — нарушение свободы личности, свободы учебы, ибо она делает невозможным, чтобы каждый учился так, как хочет или как этого хотят его родители. То, что мы делаем в области обучения, — это диктатура, террор. К сожалению, тут налицо коренное разногласие в вопросе о понимании свободы личности. Какая свобода лучше: свобода оставаться необразованным, дураком или же свобода и возможность для каждого приобрести образование? Мы стоим за вторую и желаем каждой стране такого террора»...

Что же, трудно не согласиться с товарищем Шараи. Тем более, когда видишь вокруг себя такие радостные для патриота сцены, о которых рассказывает Хелга Сабо: «Часто я слушала с наслаждением, как в поезде, на школьной экскурсии беспрерывно звенела песня, как бесконечный поток могучей реки. Иногда выскакивал на середину маленький вожак, чтобы дирижерскими жестами наладить начало трудного канона или другого полифонического произведения...» Конечно, создавая советскую систему музыкального развития,

учитывая опыт Кодая, мы можем найти и более точный ход ко всему богатству музыкального наследия. Надеюсь, найдем: во главе нашего поиска стоит Д. Кабалевский.

ШКОЛЬНЫЙ ЦВЕТОК САКУРЫ

И вот опыт Японии. Мне он представляется имеющим интерес в силу общего характера и массовости эксперимента.

Несколько лет тому назад группа советских творческих работников во главе с Львом Кассилем побывала там с целью ознакомления с характером художественного воспитания. Всем было известно, что страна эта имеет вековые традиции широкого художественного развития подрастающего поколения и уважения к красоте. Поэтому мы с интересом ожидали встречи с общеобразовательной школой Японии. Было интересно посмотреть, как эти традиции сочетаются с бурным техническим развитием страны.

Надо сказать, что становление и само существование действующей сейчас в японской школе системы оказалось драматично и в чем-то парадоксально. Подобного положения не существует ни в одном капиталистическом государстве. Появлению и утверждению в школе этой системы, кроме национальных традиций уважительного отношения к художественному развитию, помогло еще и совпадение двух счастливых обстоятельств: создание подробно разработанной и проверенной к сороковым годам в отдельных школах системы широкого художественного развития и появление совершенно необычайных для капиталистического государства условий, когда сторонники этой системы смогли законодательно утвердить ее по всей стране.

Система была разработана еще до войны передовы-

ми художниками и педагогами Японии на основе изучения опыта Европы и России начала века и первых послереволюционных лет. Ряд прогрессивно мыслящих педагогов-энтузиастов опробовал ее в своих школах. Ее поддержал союз учителей. Но широкого распространения тогда система не получила.

Основой ее было свободное, то есть творческое, рисование, в корне противоречащее официально принятой системе развития чисто технических навыков. Новая система по самой постановке задачи была значительно шире и человечнее.

Основной целью было не просто обучить изобразительной грамоте, но через обучение искусству развивать личность человека. Основой новой системы стал принцип всеобщности, убежденность в том, что не у талантов, а у каждого можно и нужно развивать не только логическое, но и ассоциативное образное мышление.

Но именно это было совсем не нужно японскому милитаристскому государству, основной задачей которого было формирование через школу людей, фанатично преданных императору, будущих солдат, без рассуждения выполняющих любой приказ. Поэтому неудивительно, что попытки привить школе новую систему оканчивались плачевно для ее проводников и в конце концов были официально запрещены.

Но когда в 1945 году агрессивная Япония была разгромлена и государственная милитаристская система ослаблена и расшатана, Союз учителей сумел добиться принятия Основного закона по просвещению, который давал ему очень много прав и возможностей для перестройки школьного образования. Союз учителей воспользовался этим и ввел в школу эту новую, ранее запрещенную систему художественного образования.

Конечно, прогрессивные японские педагоги не смогли застраховать ее от искажений. Тем более что (как это они сами постоянно подчеркивали) школа «окружена» капиталистическим обществом с его антигуманными тенденциями, обществом, сохранившим и дикость самурайских традиций и воспринявшим многое из самого дурного, что несет современная массовая культура Америки и капиталистических стран Европы. В этих условиях система не могла и не может, конечно, полностью достичь тех результатов, о которых мечтали ее создатели.

Какова же эта система?

ЦЕЛЬ —
КАЖДЫЙ РЕБЕНОК

Очень интересен сам подход к ребенку на первых этапах обучения.

Американская, например, система предполагает с самого начала четкое разделение, дифференциацию детей по их способностям. Системой тестов дети разделяются на несколько категорий. И для каждой — свой уровень и характер развития. Но ведь понятно, что тесты выявляют скорее уровень развития ребенка к моменту прихода в школу, а не суть его способностей. А этот уровень зависит, в первую очередь, от социального положения и обеспеченности семьи. Такая система явно приспособлена к потребностям классового, антагонистического общества.

Система же, разработанная японскими педагогами, недаром представляется неприемлемой хозяевам японского общества, а само распространение такой системы в капиталистическом государстве, несомненно, является уникальным явлением.

С самого начала обучения перед педагогом ставится задача выявления характера индивидуального развития способностей детей. Казалось бы, похоже на си-

систему тестов. Но вывод из анализа прямо противоположный. Перед педагогом ставится задача работать над более гармоничным развитием каждого ребенка, подтягивая слабо развитые способности до общего уровня, оговоренного программой.

До 9-го класса включительно (обязательное образование) педагоги стараются всесторонне развить именно каждого ребенка, не уделяя особого внимания одаренным детям. Вся система построена на фронтальном развитии класса. И только в вышесредней школе (10-й—12-й классы) предусмотрен переход к усиленному развитию индивидуальных склонностей и способностей (выбор направлений).

В начальной и средней школах на предмет «Изобразительное искусство и труд» предусматривается по два часа в неделю (здесь объединены занятия по изобразительному и всем формам прикладного искусства). В вышесредней школе предусмотрено доведение этих часов до шести в неделю в зависимости от выбранных курсов. А выбрать нужно обязательно два курса из четырех, предложенных программой: музыка, иероглифия, изобразительное искусство, дизайн. «Пройдя» выбранные предметы в объеме программы, можно поступить в высшую специальную школу.

Предполагается, что каждая вышесредняя школа может и должна готовить выпускника на достаточном для этого уровне.

Основные принципы методической основой этой системы является развитие целенаправленной, осмысленной творческой деятельности, жесткий контроль итогов работы соответствием их поставленной задаче.

Ребенок с первого класса приучается ставить себе

определенную задачу и добиваться ее выполнения. Собственно, это чисто воспитательный процесс развития способности к самоорганизации, к целенаправленной творческой и трудовой деятельности.

Содержание программы тоже несколько необычно. Основой преподавания искусства является здесь не грамота перспективного и объемного рисования, а грамота колористическая. На линию цветовой композиции, как на стержень, нанизываются все остальные и практические и теоретические линии обучения.

Формы работ тоже разнообразны. Тут и рисование с натуры (много!), и по памяти, и по представлению. Тут и многие виды конструирования — от лепки и работы с подручным материалом до создания действующих и движущихся моделей, фантастических и применяемых в быту, дома и в школе. Изучение возможностей искусств через практику и через теорию и такая необычная форма занятий, как «любование».

Из задач, которые ставятся в вышесредней школе (эта ступень образования не является обязательной), мне представляется наиболее интересной такая, как «обогащение палитры чувств, ощущений, выработка привычки к тому, чтобы художественные способности находили реализацию в жизни ученика. Необходимость обращать внимание на то, чтобы знания не оставались абстрактными, а стали средством, методом выражения эмоций. Все это должно оказывать влияние на формирование эстетического поведения в жизни (гармония поведения)».

Формулировки в программе задач различных этапов обучения мне представляются не лишенными интереса.

Теперь можно попытаться прояснить основную линию этой системы — линию цвета, вернее — цветовой дистрибуции (цветовой композиции). Японские педагоги считают, что цветовое воспитание дает возможность наиболее широко и глубоко развить органы чувств ребенка, его мышление и творческие способности. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что эта линия не исключает, а, наоборот, предполагает сочетание ее с другими, тоже очень подробно разработанными линиями (как, например, рисование с натуры, лепка и объемное конструирование, работа с гравировальной доской).

В Японии действует цветовая система «Иоритай», обязательная для применения на любом производстве. Закон требует соблюдения этой системы. На основе ее Институт цветоведения разработал систему на 240 цветов, которые все школьники обязаны знать. К седьмому классу различительные способности глаза каждого ребенка должны быть доведены до этого уровня.

Необходимо сказать, что в основу «Иоритай» положены не физические аспекты цвета, а его психологические звучания. Отсюда, кроме работы с «чистым» цветом, постоянно ведется работа с осмысливанием его психологического звучания в связи с определенным, конкретным материалом, предметом, жизненной ситуацией.

Все это изучается и теоретически и «пробуется» на практических занятиях. Вопросы цвета в одежде, ее историческое развитие — вот, например, один из элементов этих занятий. Даже праздничный стол — тоже предмет для теоретической и практической работы.

Изучение цвета (а также и формы) на таком уровне дает возможность довольно широко развивать раз-

личительные и аналитические возможности зрения, что приносит огромную пользу человеку в дальнейшей жизни, кем бы по профессии он ни стал. И токарь, и хирург, и ученый-экспериментатор — все профессии, где нужна тонко развитая, а значит, и быстро реагирующая наблюдательность человека, получают от такого образования несомненную пользу.

И это, конечно, не имеет ничего общего с развитием только технических возможностей зрения. Это развитие мозга, развитие особых ассоциативных форм мышления.

видеть «невидимое» В программе, например, развитие способности переносить качества одних вещей на другие, на развитие фантазии, находчивости, гибкости мышления, способности видеть скрытые возможности, на обострение видения заложенных качеств там, где они явно не просматриваются. Интересно?

любование Но и для чисто духовной сферы мировосприятия, мировоззрения такое развитие зрительных способностей не может не дать эффекта.

Тут, очевидно, уместно сказать несколько слов о линии «любования». Любование включает в себя не только изучение искусства, но и попытку четко построить поэтапное развитие эстетической чуткости в восприятии мира, способности к эстетической его оценке. Эта задача, конечно, предполагается в любой системе художественного образования, но я не знаю ни одной, где бы она строилась так целенаправленно путем разработки специальной цепи заданий и занятий. Даже само название «любование» очень интересно.

Вспоминается первая программа по искусству со-

ветского Наркомпроса, где есть замечательные слова:
«...Радость жизни в любовании и творчестве есть ко-
нечная цель труда и науки».

Действительно, в процессе обучения искусству мы часто забываем эту цель — радость жизни. И часто забываем, что понимать, постигать красоту как жизни, так и искусства невозможно без переживания наслаждения от этого процесса. Просто «понимать», «изучать» тут невозможно. «Знание» красоты без этого сугубо личностного элемента — переживания, наслаждения — всегда оборачиваются глубоким непониманием красоты, оборачивается профанацией. Чтобы пользоваться красотой, ее мало знать, ее обязательно нужно ощущать.

Именно поэтому обозначение этого вида занятий как «любование», а не, например, «искусствознание» точнее определяет подлинную суть задачи. Эта тонкая и деликатная задача в начальной и средней японской школе, на мой взгляд, решается программой удивительно интересно. Через наблюдение, изображение, осмысливание красоты самых различных явлений жизни ребенок подводится к привычке ощущать, чувствовать и раскрывать для себя эту красоту. «Развивать понимание разных типов красоты, разных форм красоты не так в форме объяснений, как в творческом процессе, вырабатывая определенные критерии, концепции» — так сформулирована эта задача в программе.

КОНСТРУИРОВАНИЕ

И еще одна интересная форма работы.

В программе (в первых классах ей отводится пятнадцать процентов времени) существует, все увеличиваясь в объеме (до целого направления в вышесред-

ней школе), линия художественного конструирования.

От группы заданий на создание утилитарных вещей, которые могут быть и будут использованы (в первом классе), до разработки сложных, часто фантастических проектов машин, мостов, городов в вышесредней школе. Такие знания ставят целью развитие способностей к самостоятельному созданию новых и переосмыслинию уже известных конкретных предметов, развитие творческой фантазии.

ПЛОДЫ УЖЕ ЕСТЬ Борьба за становление и сохранение этой системы в японской школе, конечно, далеко не окончена, как не завершена, очевидно, и сама система.

Но несомненно, что эта живая и развивающаяся система уже приносит свои плоды. В одной из школ, которую мы посетили, на доске в первом классе увидели по-настоящему художественно нарисованную разноцветными мелками хризантему. Выяснив, что это просто следы объяснения по природоведению, обыкновенная работа учительницы этого класса, мы почувствовали, какие возможности может дать всеобщность художественного развития.

Мы поинтересовались, не мешает ли тот факт, что художественному творчеству в общеобразовательной школе посвящается от двух до шести часов в неделю, широкой постановке естественнонаучных дисциплин? Но, оказывается, японские педагоги считают, что глубокие знания в области естественных и точных наук человек с развитым образным, ассоциативным мышлением может быстро освоить в вузе, а художественное образование лучше, чем иные виды занятий, развивает у ребенка уже в школьные годы эти гибкие формы мышления.

«Оптимальное решение — всегда самое гармоничное, и человек, развитый художественно, находит его гораздо быстрее», — говорили нам японцы. В общем, эта сторона системы художественного образования, очевидно, прочно утвердилась в японской школе, доказала свою незаменимость в подготовке человека к современному, столь сложному техническому труду.

Единая система эстетического развития

Вот теперь, пожалуй, настала пора вернуться домой и, обогатившись наблюдениями, подумать, какой же могла бы быть система эстетического воспитания в советской школе сегодня.

Подумать, поискать, поспорить...

**ЗАЧЕМ ВООБЩЕ-ТО
НУЖНА ШКОЛА?**

Недавно в «Комсомольской правде» была напечатана статья: «Для чего человек учится». А действительно —

для чего?

Вот сейчас мы добиваемся всеобщего полного среднего образования — зачем? В этой статье не случайно был поставлен такой вопрос. Многим, оказывается, он, действительно неясен.

Наблюдается падение интереса к занятиям и у части ребят и у их родителей. В статье верно говорится

о том, что пора преодолеть утилитарный подход к образованию, утверждавшийся веками, что на наших глазах происходит коренное изменение самих целей образования...

Хотим мы этого или нет, постепенно основной задачей школы становится не столько обучение, передача конкретных знаний, сколько развитие подлинно гармонической личности. Такова, очевидно, потребность времени.

Конечно, просто обучать, передавать знания намного легче! Но этих конкретных знаний выработано во всех науках уже так много — и с каждым днем прибывает, — что, желая все это втиснуть в рамки общеобразовательной (не специальной) школы, мы можем прийти к результатам, прямо противоположным ее задачам.

Человеку теперь приходится учиться и переучиваться всю жизнь, поэтому школа должна именно к этому подготовить его.

научить учиться или объять необъятное? «По мере бурного развития науки и техники, а также последовавшего за этим совершенствования вузовского образования школьные предметы все больше и больше расширялись и углублялись с целью наилучшейстыковки их с вузовскими программами. Причем новый материал втискивался в уже и без того максимально напряженную сетку часов.

Подобными реформами школа все больше привязывалась к вузу, делалась его неотъемлемым придатком. В то же время она... брала на себя совершенно непосильную задачу: подготовить одних и тех же людей к поступлению в высшие учебные заведения разных профилей, — справедливо пишет в «Литератур-

ной газете» от 24 ноября 1971 года А. Соломоник. ...В накладе остаются все. ...Людям, выбравшим себе дорогу в институт определенного профиля, ненужными оказываются знания по многим другим, непрорифицирующим дисциплинам в том объеме, в котором они изучались в школе. Тем же, кто не собирается поступать в вуз вообще, не пригодится большая часть сведений, умений и навыков, над приобретением которых они так долго и кропотливо тружились».

Много горькой справедливости есть в этих словах.

Да, пытаясь втиснуть в сетку школьных часов как можно больший объем информации, наша школа все дальше и дальше вытесняла предметы, дающие не четкие, конкретные знания, а развивающие общую культуру.

«Естественные науки ведут себя... по отношению к искусству, отчасти к философии и гуманитарным наукам, как захмелевшие победители, — сказал на сессии ИСМЭ в 1970 году член-корреспондент Академии наук Украины математик Г. Д. Суворов. — Теоретическое мышление сегодня предельно активно, оно привлекательно своей продуктивностью, определенностью, истинностью результатов и их практичесностью. Научные выводы, как правило, однозначны в отличие от многозначности всех истин искусства. Требование однозначности довлеет над современным мышлением, и для неразвитого человека истины искусства тускнеют под этим давлением».

Да, нарушение гармонии в нынешней системе образования начинают понимать и представители точных наук. Школа, очевидно, находится на переломе. И сегодня перед ней встают новые задачи.

**ЦЕЛЬ — ЧЕЛОВЕК,
ЗНАНИЕ — СРЕДСТВО**

В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, принятых шестой сессией Верховного Совета СССР восьмого созыва, говорится: «Целью народного образования СССР является подготовка высокообразованных, всесторонне развитых активных строителей коммунистического общества, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, в духе уважения к советским законам и социалистическому правопорядку, коммунистического отношения к труду, физически здоровых, способных успешно трудиться в различных областях хозяйственного и социально-культурного строительства, активно участвовать в общественной и государственной деятельности, готовых беззаветно защищать социалистическую Родину, хранить и умножать ее материальные и духовные богатства, беречь и охранять природу. Народное образование в СССР призвано обеспечивать развитие и удовлетворение духовных и интеллектуальных потребностей советского человека».

Общеобразовательная школа должна закладывать гармонические основы целостного восприятия мира, целостного мышления, целостного творческого бытия. Именно поэтому пора снять в школе фетишизацию естественнонаучных знаний и найти точную, необходимую для общего развития юношества гармонию знаний естественных, точных, гуманитарных наук и искусства. На установлении этой гармонии должна быть построена Единая система эстетического воспитания — важнейшее средство в руках нашего общества в деле воспитания подрастающего поколения.

Итак, что же мы имеем в виду под Единой системой эстетического воспитания?

ЕДИНАЯ ЦЕПЬ Единая — значит объединяющая все предметы, все внеклассные занятия, всю общественную жизнь школьника. Единая цепь. И каждый предмет, каждый вид занятия имеют в этой цепи четкую задачу, ограниченную, не дублирующую задачи иных звеньев, но дополняющую их. Это единая система, обеспечивающая всеобщность эстетического развития и единый уровень этого развития в любом селе и городе, в любой школе.

Какую роль в этой цепи должна играть, например, математика или физика? А какую — труд? Какую — музыка, живопись, литература? Какую — занятия в классе, какую — в кружке, студии, факультативе? Какую — история, география?

А общественная жизнь?

Именно на эти вопросы и должен ответить эксперимент, который поручено вести Академии педагогических наук. К 1980 году предполагается завершить эту предварительную работу и выработать конкретные программы, планы, учебные пособия.

«ОБХОДНЫЕ МАНЕВРЫ» В последние годы, когда против необходимости эстетического воспитания уже трудно было возражать, появилась очень опасная, хитрая теорийка: «Эстетически воспитывает всё, вся жизнь. Искусство — только равновесликий компонент с трудом, наукой, физкультурой...». А если так, бросьте же, друзья, разговаривать о специальных часах для искусства и музыки. Ведь есть спорт, есть математика — красота математических уравнений — разве это не эстетика?»

В общем, родилась идея построения системы эстетического воспитания помимо искусства — просто надо на высоком эстетическом уровне преподавать все предметы, и человек будет эстетически воспитан!

Это был очень эффектный «обходной маневр» противников эстетического воспитания, но он не удался.

Действительно, красота, гармония присущи не только искусствам. Но именно искусства, в первую очередь искусства, несут многовековой опыт чувственного познания красоты и безобразия мира, общества и человека. Опыт познания и осмысливания мира через чувства. И именно этот опыт мы должны передать молодым поколениям как одно из важнейших богатств человечества.

Поэтому и взят за основу (в выработке Единой системы) принцип опоры на литературу, музыку, изобразительное искусство, как учебные предметы. И он должен быть неколебим. Искусства должны быть фундаментом системы. Без прочной связи преподавания искусств с преподаванием истории, философии, географии и других предметов Единая система не будет единой. Все знания о законах природы и человеческого общества, полученные через эти предметы, должны через саму их суть, через специфический материал (а не через иллюстрации искусством!) осмысливаться как гармония, красота или, наоборот, как нарушение этой гармонии.

Все эти знания должны закрепляться в глубинной эмоциональной сфере ребенка — в чувствах, не оставаясь просто заученными. В этом и может заключаться роль всех предметов как звеньев Единой системы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ РЕБЕНКА

Я убежден, что, если мы хотим не просто улучшить

Об огромной роли общественной и личной жизни ребенка как завершающего элемента Единой системы эстетического воспитания я уже говорил.

преподавание искусств в школе, а действительно создать небывалую Единую систему эстетического воспитания, вся домашняя, «дворовая», внеклассная и классная жизнь ребенка, его отношения с учителями, родителями и сверстниками должны органично войти в нее, «окраситься» в критерии прекрасного и безобразного.

А воспитателям нужно построить свою работу так, чтобы открыть каждому ребенку красоту активной жизни в обществе, дать ему возможность искать, ошибаться, творить, спорить со сверстниками и со взрослыми, активно утверждать свои представления о красоте жизни человека среди людей и среди природы. И, утверждая их в жизни, утверждать в себе.

До сих пор общественную (и личную) жизнь ребенка почти нигде не строили сознательно, как элемент — и важнейший — системы эстетического воспитания. Два примера поисков решения проблемы приведены мною в этой книжке. (Опыт Фрунзенской коммуны и опыт села Пархомовка). Педагогическая практика В. А. Сухомлинского, известная сейчас всей стране, несомненно, тоже является одним из интереснейших экспериментов на этом пути.

Однако (на примере Фрунзенской коммуны это ясно видно) сами авторы этих экспериментов почти никогда не пытались осмыслить их как звено в системе эстетического воспитания, не связывали в единую цепь занятия искусством с общественной жизнью, не использовали сознательно общественную жизнь как «экспериментальное поле», на котором происходит закрепление в чувствах, в эмоциях всех полученных через искусства представлений о человеческих отношениях, обществе, природе.

Надо признаться, и знания-то, даваемые на уро-

ках искусств (даже на уроках по литературе) давались в основном как знание фактов: они не входили органически в духовный мир личности через эмоции и поэтому после экзаменов быстро забывались, облекали, как шелуха. Приведенный мною в книжке пример с семьей студентов Зайцевых — подтверждение этому.

К сожалению, пути «связывания» знаний, полученных на уроках искусств, с жизнью нашей педагогической по-настоящему не освоены — это еще плохо обжитая, неизведанная планета. И тем не менее без освоения этой планеты вся система эстетического воспитания окажется не только незавершенной, но и расчлененной на отдельные частные системы.

Но отдельные системы, отдельные «предметы» — математика, физика, литература, музыка, физкультура и т. д. — даже если найдены прекрасные решения воспитательных проблем внутри них, даже при найденных программных связях — могут не дать желаемого результата для формирования личности, если у ребенка нет «экспериментального поля», если не проходит опробования жизненными ситуациями и закрепления через них приобретенных знаний, или, хочется сказать, знаний-чувств.

Видимо, необходимо разработать систему жизненных ситуаций, по лесенке которых ребенок должен быть проведен, чтобы все его представления стали убеждениями. Не «понимаю», не «соглашаюсь», а «могу», «хочу», «делаю».

Если говорить о литературе, музыке о фундаменте и изобразительном искусстве как о фундаменте Единой системы эстетического воспитания, то, видимо, надо представить их чем-то вроде

триединого предмета «Основы художественной культуры», внутри которого ни одно искусство не может и не должно подменять остальные.

По-настоящему гармоничное художественное развитие формирующейся личности может дать только тонкое и умное сочетание знаний и развития, которые несут все эти искусства плюс зрелищные, синтетические искусства. Да, театр и кино тоже должны найти свое место в системе эстетического воспитания. Я глубоко убежден, что с образным языком, с закономерностями этих искусств ребенка тоже надо знакомить в школе. Но я думаю, что делать это можно не на уроках.

Например, театр или кино как актерское действие тесно связаны с детскими играми — естественной частью жизни ребенка. И, наверное, можно найти прочные нити связи уроков изобразительного искусства, музыки и литературы с послеурочным театральным действом, захватывающим разными своими сторонами не один класс — ребят разных возрастов.

Это театральное действие — увлекательное дело, праздник и радость для ребят — будет своего рода итогом и синтезом уроков литературы, музыки, живописи, что и соответствует синтетической природе этих искусств...

Триединый предмет — музыка, литература, изобразительное искусство — должен преподаваться не только в своих внутренних связях и в связи с другими предметами по единой методике и полностью скоординированной программе, но и должен быть решительно расширен «территориально». Музыка и пластические искусства должны быть включены в школьную программу, как и математика, с первого по последний классы. Причем для воспитания особенно важны стар-

шие классы — возраст юношеского становления личности.

«Как же так? Ведь дети и сейчас явно перегружены! А времени в сутках не станет больше, и детский организм...»

Да, все это так. Но...

Вот эксперименты, проведенные в Венгрии, в Польше, Эстонской ССР.

«Влияние углубленного музыкального воспитания можно измерить сравнительными исследованиями успеваемости учащихся общеобразовательных школ с музыкальным уклоном и обычных. Вспомните, что в школах с музыкальным уклоном уроки музыки проводятся ежедневно, а в остальных лишь два раза в неделю. Сравнение показывает, что успеваемость по таким общеобразовательным предметам, как арифметика, письмо, география и т. д., даже физкультура, значительно выше в школах с музыкальным уклоном, чем в остальных...»

«По нашему опыту, — продолжает свой рассказ венгерский музыкант Тибор Шараи, — включение музыкальных уроков в расписание занятий не увеличивает, а психологически уменьшает чувство перегрузки. Музыкальный урок со своими игровыми элементами, художественными переживаниями, составляющими некоторый противовес к научным дисциплинам, выполняет в совокупности занятий функцию разгрузки, способствуя тем самым освоению познавательного материала других предметов».

Совершенно идентичные результаты получены в Польше при сравнении результатов обучения по общеобразовательным предметам в школах обычновенных и с усиленными занятиями изобразительным искусством.

СИЛА ВЫСШЕГО РАНГА

Конечно, опыты можно продолжать. Можно их поставить и в Москве, но несомненно, что попытка отождествить занятия наукой с занятиями искусством во многом наивна и ненаучна.

Профессор Пауль Мехель из ГДР говорит: «Соответствующие результаты психологических исследований доказывают, что способности, которые удалось развить в ходе музыкального воспитания... оказывают большое содействие при овладении другими сложными профессиями. Таким образом, существует позитивная корреляция между музыкальными и иными духовными способностями и способностями к научной и технической деятельности».

Как доказано, музыкальное воспитание имеет не только узкоэстетическое значение — это действенная сила высшего ранга, стимулирующая духовную и творческую потенцию личности».

Да, искусства в школе не просто несут знания в своей области. Они так же, как опытный настройщик настраивает инструмент, настраивают человека на гармоническую творческую работу.

К тому же в задачу эксперимента не случайно входит вопрос установления гармонии между знаниями в науках и искусствах. И не случайно его выполнение поручено не одному Институту художественного воспитания, а всей Академии педагогических наук.

Перегрузка — явление болезненное и рождено, как мы уже говорили, стремлением механически втиснуть в программу обучения как можно больше конкретных знаний в разных областях. Каждый педагог-специалист часто бывает «подобен флюсу»... Но — осторожно: дети!

Пора перестать представителям каждой науки и

искусства думать только о своем «огороде». Пора всем подумать об общей культуре и развитии детей.

«МОИ ОГОРОД» Но все же мне хочется здесь повнимательнее рассмотреть проблемы наиболее близкого мне предмета — «Изобразительное искусство».

Правильно ли само название предмета? Оно, несомненно, гораздо ближе к истине, чем то, что было принято прежде. «Рисование», направлявшее педагога к чересчур узкой цели — к обучению основам графической грамоты.

Но и новое название явно не точно. Ведь под эту шапку приходится «втискивать» гораздо более широкий круг искусств: и декоративное, и прикладное, и архитектуру или дизайн, которые лишь с очень большой натяжкой можно назвать изобразительными.

Тогда, может быть, «Пластические искусства»?

Мне кажется, название предмета в процессе эксперимента тоже должно быть уточнено.

Ну а что же с самой сутью предмета, со знаниями и развитием, которые он должен дать? Мне эта проблема представляется непростой. Долгие годы обуженное представления о задачах предмета выработали свою инерцию в их понимании у широких педагогических и художественных кругов. Вокруг некоторых, часто второстепенных методических аспектов проблемы десятилетиями шли долгие и не очень плодотворные обсуждения.

Поэтому непросто будет выявить суть проблемы, суть предмета, а тем более найти пути к донесению этих знаний до каждого школьника.

МЕСТО НА ПИРУ ЗНАНИЙ

Каким я представляю себе тот минимум знаний и развития в искусстве, который должен иметь каждый человек? Какими путями можно получить эти знания?

Когда мы говорим о Единой системе эстетического воспитания, мы должны иметь в виду и поиск осмысленного единства, гармонии задач классных и внеклассных занятий искусством. Звенья, составляющие Единую систему, не одинаковы, не повторяют друг друга, не дублируют, а взаимно дополняют. Уроки, студии, кружки, клубы любителей искусства и т. д. — каждая форма должна найти свое место в общей системе. Если преподаваемый в школе предмет обязателен для всех и должен давать определенный минимум знаний и развития, то каждая из этих разнообразных форм необязательных занятий должна иметь свой четкий адрес, свою четкую задачу. Одни (например, кружки, клубы, студии) призваны развивать интерес, увлеченность и кругозор в одной из областей искусства, другие (например, факультативы, художественные вечерние школы и т. д.) — готовить к вступлению на профессиональный путь, то есть давать теоретические знания и практические навыки, необходимые для поступления в специальное учебное заведение.

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕМ

И подобные формы занятий, по моему мнению, необходимо иметь везде, во всех городах и селах, чтобы каждый ребенок, где бы он ни жил, мог развить свои способности и знания до одинакового (достаточно высокого для нашего общества) уровня. В этом одна из задач Единой системы. Другая — дать возможность всем одаренным развиваться в направлении, необходимом для вступления на профессио-

нальный путь в искусстве. И очень важно не путать эти задачи. Иначе цели не будут достигнуты.

Ну а какие все же задачи должны быть у общих классных занятий по изобразительному искусству? Какой объем знаний эти занятия должны дать?

ТРИ ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ Давайте попробуем разобраться, что может (а следовательно, и должен) дать предмет «Изобразительное искусство» для развития каждого человека, формирования его чувств, мышления, представлений, идеалов — для формирования его личности.

Да, в общеобразовательной школе вопрос должен стоять именно так: что может дать преподавание «Изобразительного искусства» для формирования личности человека? Объем знаний, их характер определяются этой задачей. Знания — средство, а не цель.

Для того чтобы на современном уровне сформировать нужные обществу качества личности человека, «Изобразительное искусство» может (и должно) прежде всего развить на определенном уровне его мышление и органы чувств. Разговор сейчас идет не об объеме конкретных навыков в искусстве, а об их целенаправленности, целеустремленности, об их подчиненном характере, о сверхзадаче предмета.

Что может дать «Изобразительное искусство» как школьный предмет для развития человека, личности (в отличие, например, от точных наук)?

Собственно, возможности всех искусств обращены в первую очередь к духовной сфере человеческой жизни. И это, на мой взгляд, краеугольный камень, фундамент всей системы эстетического воспитания. Из чего эти возможности складываются?

У искусств есть важнейшие именно для воспитания возможности, а значит, и функции, например: разви-

тие фантазии, воображения и творческой потенции человека. А без развития воображения и творческих способностей человек не может быть хорошим тружеником в любой области, и тем более инициативным, прокладывающим новые пути работнику.

Без развития этого «нерва» человек не сможет даже по-настоящему понимать другого человека — не сможет соотнести себя с ним, поставить себя на место другого.

РАЗВИТИЕ ВООБРАЖЕНИЯ. ФАНТАЗИЯ, ИНТУИЦИЯ Можно назвать это иначе: ассоциативное мышление. Но как ни называй — эта сторона мышления человека всем людям, творчески мыслящим, представляется не менее важной, чем мышление логическое.

«Воображение важнее знания, ибо знание ограничено. Воображение же охватывает все на свете, стимулирует прогресс и является источником его эволюции». Это слова не поэта, а ученого — А. Эйнштейна. И так думают многие ученые, да и не только ученые.

Киевский математик Г. Д. Суворов так представляет механизм творческого мышления: «...Если задача нетривиальная и стандартного способа решения ее нет, то только тогда и начинается собственно мышление. Здесь... и логика, и отрыв от логики, и работа фантазии, сопоставляющей далекие друг от друга факты, и ситуации, аналогии, гипотезы...»

Если задача нетривиальная, если «не по стандарту»...

Но ведь именно работа «не по стандарту» и есть творческая работа. Можно накопить в своей памяти сведения обо всех выработанных до тебя в данной

области представлениях, знаниях, умениях и не стать личностью творческой. Только способность сделать новый шаг в неведомое и есть способность к творчеству.

И эту способность, эту потенцию может родить только развитое, активное воображение.

Фантазия — основной инструмент творчества.

Именно этот инструмент искусства лучше всего конструируют и совершенствуют в человеке. Там нельзя без воображения сделать почти ни шагу.

Видеть невидимое. Слышать неслышимое.

Вернее, то, что до сих пор считалось невидимым, неслышимым, то, что существует в намеке, в возможности, в тенденции.

Видеть или предвидеть невидимое — специфика творчества в любой области искусств и наук.

И пусть задумаются и учителя, и учащиеся над тем, что как раз в школьные годы именно искусства, как никакие иные предметы, могут быть нацелены на развитие этой способности в человеке. В каждом человеке.

Чем отличается Талант, Гений от обыкновенного человека? Именно этим — обостренно, «гипертрофированно» развитой способностью «видеть невидимое». А талантливость каждого человека можно развивать при постоянной, целеустремленной тренировке, как развивают мускулы, память. Только это многое сложнее.

Каждый человек может и должен быть талантлив! Да, народ талантов. Да, общество талантов! И это не фантастика, ибо заложено в возможностях любого народа. Но мы упускаем свои возможности, когда ослабляем художественное развитие наших детей.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

На первых порах в дошкольном и начальном школьном возрасте особые возможности для развития этой способности у всех дает именно изобразительная деятельность детей.

Здесь нет умаления иных предметов и иных искусств. Но для того чтобы полной мерой использовать воспитательные возможности каждого предмета, нужно четко осознать его, именно его возможности.

Исполняя музыкальное, литературное или драматическое произведение, ребенок через сопровождение с автором произведения, несомненно, приобщается к лучшему культурному наследию народа, и вместе с тем вначале школьные занятия музыкой, литературой и драмой основаны на исполнительстве, на повторении, что обязательно сужает творческий процесс, сужает возможности индивидуального личного осознания жизни — оно обязательно опосредовано через готовое чужое произведение искусства... Функция непосредственного «образования» жизни более всего свойственна изобразительному искусству (Речь идет о детском творчестве. — Б. Н.).

И это действительно так.

Каждый ли ребенок может в семь, восемь, девять лет самостоятельно не исполнять, не повторять, а создавать целиком новое, свое произведение в музыке, литературе? Для этого нужно хотя бы знать ноты, уметь писать, быть минимально грамотным. Изустное творчество детей не воспринимается ни ими, ни взрослыми как полноценный творческий акт. Ребенок не может его сам фиксировать. Для этого нужно быть грамотным или особо одаренным. Еще больший уровень минимальной грамотности нужен для полностью самостоятельного творчества в точных науках.

Мы все знаем, что именно изобразительному иску-

ству хуже всего обучают в школах — литературное и музыкальное образование (музыкальные школы) распространено шире. И несмотря на это, именно выставки детских художественных работ стали языком общения между народами. Все люди, а не только педагоги, получают огромное эстетическое удовольствие от детских работ. И тут, собственно, не исполнительскую, а на сто процентов творческую работу практически оказывается способным выполнить каждый ребенок, конечно, под умным и опытным руководством педагога и при наличии материалов.

Тут почему-то для ребенка дорога к творчеству открывается раньше. Почему?

Может быть, специфика техники этого искусства дает такому маленькому и наивному существу возможность как бы в процессе игры выразить и закрепить на листе бумаги такими же наивными, как и его мышление, средствами свое восприятие, свое личное понимание жизни.

Наивный мир, выраженный наивными средствами — единство формы и содержания — и рождает подлинную художественность детских работ!

Возможно, естественная потребность ребенка в творческой игре здесь смыкается с искусством раньше. Но несомненно, что, рисуя, дети ощущают подлинную творческую радость.

РАЗВИВАТЬ ПОТРЕБНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ И именно эта радость творчества имеет огромное воспитательное значение. Именно она, а не само произведение является здесь педагогической целью.

Эта радость, если она повторяется, превращается в прочное чувство, у ребенка возникает потребность испытывать ее чаще. И эта потребность — испыты-

вать радость творчества — потом будет проявляться во всех занятиях, во всех видах деятельности.

Важно вызвать это чувство и закрепить его как одно из основных, определяющих качеств личности — закрепить через занятия искусствами, трудом, наукой.

И еще — это важно ясно представить — в предметах эстетического цикла задача развития личности как неповторимой человеческой индивидуальности фактически составляет самую суть дела. Здесь заложены огромные возможности развития индивидуальности ребенка. Без развития индивидуальности, кстати, невозможно и развитие творческих возможностей личности.

ИТАК: ПЕРВАЯ ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА — ТВОРЧЕСКАЯ ПОТЕНЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Задача формирования творческой потенции каждого ребенка и как основных ее слагаемых — способности к воображению (ассоциативное, образное мышление) и развития человеческой индивидуальности, личности есть, на мой взгляд, первая из трех основных задач предмета «Изобразительное искусство». И эта задача — общая для всех искусств, составляющих фундамент Единой системы эстетического воспитания в школе.

ВТОРАЯ ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА — ЗДОРОВЬЕ МЫШЛЕНИЯ

С первой задачей — формированием творческого мышления — прочно связана и вторая. Но если в решении первой объединяют силы все искусства (ассоциативное мышление, творческая интуиция развиваются при деятельности в любом искусстве), то задачу развития «зрительного» восприятия не может взять на себя ни музыка, ни литература.

Значение же развитого зрения несложно оценить, вспомнив, что через зрительный канал в наш мозг

идет большая часть информации о внешнем мире. Даже народная мудрость гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Так вот, никакой иной вид занятий в школе не может так полно и глубоко, как это сделает изобразительное искусство, развить, воспитать, выпестовать способность мозга активно выбирать информацию, идущую через зрительный канал, и осмысливать ее.

На занятиях изобразительным искусством, если употребить выражение Маяковского, «оттачивается глаз». А этот «острый глаз» необходим человеку во всех областях его деятельности. Нет ни одной профессии, где обостренная способность «быстро схватывать» увиденное, то есть быстро, активно осознавать то, что видишь, не была бы первойней необходимостью. Профессия токаря, инженера, врача, агронома, юриста — да ведь просто не найдете профессии, где это качество, развитое на высоком уровне, не давало бы явного, мощного преимущества человеку?

«Страна, в которой учили бы рисовать так же, как учат читать и писать, превзошла бы вскоре все остальные страны во всех искусствах, науках и мастерствах», — сказал в свое время Д. Дидро, а ведь он не знал новейших открытий психологов.

Занятия изобразительным искусством развиваются не просто физическую зоркость глаза. Развивая разрешающую способность зрения, они тренируют, оттачивают способность глаза быстро вычленить в увиденном главное и второстепенное в соответствии с определенной задачей, то есть развивают мышление. В настоящее время учеными уже окончательно установлена ложность бытования еще недавно представления, что зрительный образ есть результат прямого, как в фотоаппарате, воздействия объекта на сетчатку глаза, не зависящего от работы мозга. От того,

как развита осознанность зрения, его способность вычленить главное и отбросить ненужное зависит, сколько и что именно видит человек.

Развитость зрения — это не прирожденная, а воспитанная способность глаза человека. На высшем уровне развития она смыкается с творческим ассоциативным мышлением, давая возможность как бы «видеть невидимое», способность видеть то, что существует только в намеке, в потенции. И поэтому развитое, воспитанное зрение не может не наложить своего отпечатка на весь характер мышления человека. Не случайно ведь сейчас появились даже такие термины, как визуальное и пространственное мышление. Это научно оправдано. Зрение оказалось как бы одним из важнейших «органов» мышления. Сетчатка глаза является как бы частицей мозга. Многие процессы творческого мышления оказались тесно связанными с работой сетчатки глаза в процессе так называемой «обратной визуализации». Сетчатка глаза является для нашего мышления как бы чертежной доской, где мозг «прикидывает» решения разных проблем, в зрямых, наглядных формах и образах сопоставляет, меняет, улучшает их.

Развитие зрения в наш век приобретает еще один важный аспект. Как говорят специалисты, сейчас происходит «визуализация» человеческой культуры, переход, перенос центра тяжести от словесного способа общения и передачи информации на визуальный (зрительный). Да мы это и без специалистов чувствуем. Кино, телевидение становятся не только приятным зрелищем, но начинают заменять газеты, книги. На научных конференциях зрительным методам обмена информацией (фильмы, слайды, схемы и т. д.) отводится не меньше места и значения, чем докладам.

Да, развитие средств зрительной информации еще

более увеличивает загрузку нашего зрительного канала и требует от него большой развитости. И если раньше высоко развитой зрительной способностью должны были обладать лишь художники и узкий круг людей, профессия которых требовала острого (хотя и узко воспитанного) зрения, то сейчас зрение, остро развитое, и к тому же развитое широко, все более и более необходимо каждому человеку.

И хочется повторить еще раз: такое цепкое зрение не только дар природы. Это качество, вырабатываемое целенаправленными и длительными тренировками. И никакой иной предмет не может это качество развить лучше, чем «Изобразительное искусство».

ТРЕТЬЯ, ОСНОВНАЯ И СТЕРЖНЕВАЯ ЛИНИЯ ПРЕДМЕТА — ЗОРКОСТЬ ДУШИ

Сейчас мне хочется перейти к самой сложной и, на мой взгляд, менее всего разработанной, а для нашей системы эстетического воспитания важнейшей задаче. Это как бы стержневая, сквозная линия предмета, вернее, всех предметов эстетического цикла.

Если в японской системе стержневой линией является цветовая дистрибуция — умение тонко различать и выстраивать, соотносить цвета, то, на мой взгляд, именно это и уводит всю систему от главной задачи эстетического воспитания. Ибо визуальное мышление — только одна, но при всей ее важности для нашего тревожного и сложного века не самая главная задача художественного развития.

Как бы у человека ни было развито творческое мышление, как бы у него ни были тонко воспитаны зрение, слух — это само по себе еще не гарантирует понимания человека человеком, не развивает способности сочувствовать другому человеку, переживать его горе, как свое, быть отзывчивым, человечным.

Мне кажется, что эта линия еще слабо разработана в разных системах эстетического воспитания. Система художественного воспитания в Японии только затронула эту проблему, вводя занятия любованием. Любование может быть только подступом, только средством для восхождения на более трудную, на самую главную вершину воспитания человека, где искусство станет для него не только источником наслаждения, путем к открытию в себе способности наслаждаться красотой жизни, но и средством развития в себе ощущения самого высокого и подлинного человеческого счастья: счастья человеческой чуткости, отзывчивости, сочувствия, а значит, подлинной ответственности за жизнь, за добро, за красоту, способности к человеческому общению.

Мне кажется, что в нашей системе эстетического воспитания эта проблема должна стать главной, должна стать критерием ее успехов или неудач.

Любование — замечательный элемент японской системы художественного развития. Наверное, он не случайно так осмысленно, так осознанно и так последовательно вошел в японские программы и практику. Любование — традиционный элемент японской художественной, да и не только художественной, но этической и философской культуры.

Но у русской культуры есть свой дар, проявившийся во всех искусствах и во всех его течениях, — это дар, если можно так сказать, обостренной душевности. Недаром русская литература и музыка оказали такое влияние на мировую культуру.

ОТЗЫВЧИВОСТЬ Думая об особенностях национального характера, родивших такое искусство, австрийский поэт Рильке записал: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком... глубоких раздумий, после которых любая красота становится

ненужной, любой блеск — ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нем он не ищет гармонии или красоты. Он стремится найти в нем собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу и те глухие дороги, по которым прошли долгие бессонные ночи, оставил эти следы. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его, и переживает, и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот особый дар видения и воспитывал великих писателей: без него не было бы ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого».

Да, возможно, дар именно такого проникающего в глубь, в суть сострадающего видения, сформировав во многом русскую культуру, выразился и в русском искусстве. Эти элементы, наверно, и сейчас необходимы нам при формировании гармонически развитой личности человека. Необходимы не только нам — всей мировой культуре. Но уж если так сложилось, что в нашей культуре, нашем искусстве они проявились особенно остро, наверное, нам и следует активнее других искать способы внесения этого элемента в систему эстетического воспитания.

Тут смыкаются тенденции не только русской культуры и искусства, но и историческая роль первой страны, совершившей пролетарскую революцию и приступившей к строительству коммунизма, страны, поставившей себе целью поднять каждого человека до подлинно человеческого уровня — великую гуманную цель, которой ни одно общество до этого не ставило, не могло ставить.

Но формировать нового человека трудно...

Гораздо легче научить рисовать или различать 240 оттенков цветов. Даже развить ассоциативное мышление человека до уровня творческой интуи-

ции легче! Тут уж есть критерии и методический опыт.

Но как развить, воспитать и проверить отзывчивость, способность к СОчувствию, СОпереживанию, СОстраданию, способность включать все свои душевые силы в человеческий коллектив, в человеческое и человеческое общение. А ведь в этом и есть, на мой взгляд, высший эстетический критерий.

Нет, куда проще заниматься музыкальным, художественным, литературным образованием, научить различать характер разных мелодических или колористических звучаний, их психологический, эмоциональный аспект...

люблю — ненавижу Мало сообщить формирующемуся человеку лишь определенный круг знаний и представлений, хотя бы и сложнейших. Эти представления нужно перевести в ранг глубоких внутренних убеждений и даже просто интуитивных желаний — сделать их сутью личности человека.

Нужно суметь все эти «знаю», «представляю», «понимаю», перевести в «люблю» и «ненавижу», «могу» и «не могу» и т. п.

Нужны не просто представления, а готовность к действию в соответствии с ними.

Итак, через любование к сопереживанию, через сопротивление к отзывчивости, через отыскание — к активным социальным действиям.

Искусство дает нам незаменимые средства утверждения в душах наших детей и юношества высоких духовных идеалов — высочайших духовных ценностей, выработанных человечеством и создаваемых социалистическим обществом. Именно поэтому нужно,

чтобы искусство стало жизненной потребностью человека, чтобы естественной для каждого была жизнь, наполненная поиском, творчеством, человечностью. Только такая жизнь сделает человека духовно богатым и прекрасным — счастливым.

Вот для этого, собственно, и нужно эстетическое воспитание обществу, строящему коммунизм.

11 В. Неменский

Дорогу осилит идущий

Действия...

Действия, собственно, только начинаются.

От нас с вами зависит, какими же они будут. От нас с вами зависит, сколько лет понадобится на создание и внедрение в жизнь соответствующей потребностям нашего общества системы эстетического развития людей.

Только возмущаться имеющимися сегодня недостатками — значит фактически быть равнодушным.

Возмущаться легче, чем действовать.

«Действия...»

Я не напишу сейчас этот раздел книжки. Его должна написать сама жизнь. Должен написать свою строку каждый — в меру своих сил, способностей, гражданского мужества.

Каждый, кто чувствует в своей душе достаточно понимания, желания и воли, чтобы быть участником этого сложного и... длительного дела!

Участником борьбы.

Участником труда.

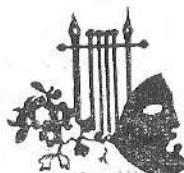
СЛОВО К УЧАСТНИКАМ

Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство.

Роберт Эберхардт,
«Царь Питекантроп Последний»

СЛОВО К ЮНЫМ Вы кончаете школу. Вы в институте, на фабрике, в колхозе. Вы юны. Но вы уже мыслите и не можете не определять себя, своего сознательного отношения ко всему в жизни. А значит — и к культуре, значит — и к искусству.

Кто вы им?

Что они вам?

Родной мир или чужбина?

Если чужбина — вы несчастны. Вам чужды тогда и родная страна, и родной народ. Вам безразличны все народы и страны. Ведь наследие веков — в куль-

турах всех народов. Без родной культуры вы, как перекати-поле, не привязаны к почве, на которой растете. Вы не являетесь связующим звеном между прошлым и будущим своего народа, Пустоцвет.

В одной из московских школ несколько лет тому назад был «Союз неравнодушных» — по образцу Фрунзенской коммуны.

Мне представляется, что вся юность, вся комсомолия — «Союз неравнодушных». Так должно быть. Печально, когда пожилой или старый человек погряз в болоте равнодушния ко всему, кроме себя, погряз в мире приобретательства и накопительства — квартиры, машины, телевизоры, тряпки...

Но если это случится с юными...
Да:

Но нелегко собеседовать
С юными, кто не успел еще
Все на земле унаследовать:
Капища, игрища, зрелища,
Истины обнаженные,
Мысли, уже зарожденные,
Кисти, уже погруженные
В краски, уже разведенны.

Движутся старые с малыми
Будто музейными залами,
Глядя в безумной надменности,
Как на окаменелости,
На золотые от зрелости
Ценности
Современности.

(Л. Мартынов)

Поверхностное, легкое, порхающее отношение к жизни — столь сложной в наш век — разве такого не бывает? Безответственности не бывает?

Что говорить, даже цинизм, прикрытый громкими словами и проявляющийся в нежелании делать, давать больше, чем рассчитываешь получить, даже трезвый, холодный практицизм (выгодно — невыгодно) — ведь и это бывает?

Юные! Вам строить общество, о котором мечтали передовые люди всех веков. Общество, где каждый должен быть Человеком, то есть обладать высоким интеллектом и богатой душой.

Но вы добьетесь этого только тогда, когда каждый из вас станет звеном в культуре своего народа и всего человечества, если не будет потеряно для будущих поколений все лучшее, что создано вашими предками.

Мало изучить, познать искусство и культуру. Нужно загореться ее самыми светлыми идеями, участвовать в умножении ее богатства. Это и есть подлинное приобщение к культуре. Только это!

Через пару десятков лет вы будете ведущей силой страны, и от вас зависит, какая она будет — и ваша страна, и ваша планета!

Вам распахнуть окно в будущее!

Слово к интеллигенции Да, слово к интеллигенции, слово к культурным людям. Кого я имею в виду?

Бот письмо: «Здравствуйте, товарищ Неменский! Ваши слова: «Не может себя чувствовать честным культурный человек, сознавая, что рядом обкрадывают его детей, внуков, товарищей», — я прочла два года назад. Несколько месяцев потом я самым жестоким образом страдала. Я даже убеждала себя, что это

меня не касается, что я уборщица, а не культурный человек и даже не коммунист. В общем, я не оправдание себе искала...»

Таким было начало одного очень интересного письма, полученного мною недавно, письма молодой женщины, уборщицы, которая имеет право называться интеллигентом.

Лидия Васильевна Крутская, начало письма которой я привел, организовала в своем ЖЭКе кружок по изучению искусства. Она сама еще так мало знает! Но у нее хватило отчаянной смелости, чтобы начать. «Помочи конкретной никакой не прощу, — пишет она, — хочу сама. Нет ни опыта, ни примера, ни уверенности. Знания тоже на двойку по сравнению с тем, что хочу. Начинаем с нуля... Мне бы тоненькой ниточкой надежды, что в трудную минуту можно обратиться к Вам... У меня была трудная жизнь. Мне 33 года. Сколько потеряно! Не все ли? Я еще кончу 10 классов — где дальше учиться? Я хочу знать об искусстве все — есть ли такие институты?»

Успеха и счастья Вам, Лидия Васильевна! Вы имеет полное право отвечать за культуру своего народа. Только вступив в нее, Вы почувствуете огромную ответственность за ее судьбу. Вы еще будете ошибаться. Вы еще не скоро сможете давать квалифицированные ответы. Но Вы сможете пробудить и в своих товарищах жажду открытых, жажду задавать вопросы. Пробуждение и начинается с вопросов.

Сколько я встречал «интеллектуалов», знающих во много раз больше Вас, окончивших специальные институты, бросявших о «бескультурье» и не желающих ударить пальцем о палец для помощи делу, подъема культуры своего народа.

Может быть, они не могут? Нет. Равнодушные —

не интеллигенты. Но Вы, Лидия Васильевна, не одиночка. Множество настоящих интеллигентных людей живет в нашей стране! У меня есть немало писем от агрономов и инженеров, учителей и рабочих, которые наделены тревожной душой подлинного советского интеллигента. По-настоящему только отдающий может получать. Только неся культуру другим, ты по-настоящему способен понять ее, понять, для чего же вообще существует культура и для чего же она нужна лично тебе. Можно всю жизнь поглощать знания и не обрести тревожную ответственность подлинного интеллигента...

Но успех подлинный, всенародный в деле подъема эстетического воспитания может прийти к нам только тогда, когда не отдельные энтузиасты возьмутся за него — когда оно станет всеобщим, осознанным делом народа.

И тут надо сказать несколько слов о технической интеллигенции — очень широком слое общества, который сейчас сильно влияет на нашу культуру.

Мы не имеем права забывать, что между кибернетическим устройством, управляющим ракетой, летящей к Марсу, и простой сохой в определенном плане нет принципиальной, качественной разницы: и то и другое — орудия труда человека, орудия освоения и подчинения себе сил природы. Вся эта невероятная, действительно фантастическая техника (а что-то еще будет!) — для человека, а не наоборот! И всегда хзяином остается человек. Как железо, огонь и порох он мог употреблять на пользу или во зло людям, так и силу атома человек может (и употребляет уже!) не только для пользы, но и во вред себе.

Я глубоко убежден, что не полпредом техники в мире людей должна быть техническая интеллигенция, а, наоборот, рукою человечества, управляющей миром

его машин. А этого техническая интеллигенция может добиться, только став в то же время и гуманистической интеллигенцией: направлять мир машин на высокие, подлинно человеческие цели могут лишь люди, сами ставшие носителями, наследниками всего богатства культуры человечества. Пора техникам, инженерам осознать себя наследниками всей культуры, созданной человечеством, и принять на себя всю меру ответственности народной, советской интеллигенции не только за строительство заводов, ферм, фабрик — за строительство всей культуры советского народа.

СЛОВО К ПЕДАГОГАМ В послевоенные десятилетия большинство талантливой молодежи шло в технические вузы. «Сейчас — век атома, физики, покорения космоса... Человек должен выбирать себе профессию на главном направлении культуры нашего века...» Так рассуждали многие. И еще многие продолжают так думать.

Но я убежден, что наш век иной. Главное в нем не атом, а человек. Я убежден, что век наш не век расщепления атома, а век строительства коммунизма и именно это его определяющая линия. Я убежден поэтому, что определяющей, самой ответственной профессией в наш век является профессия учителя.

Для нашей страны, для нашего времени нет и не может быть задачи сложнее и ответственнее воспитания каждого человека на таком уровне, чтобы он мог быть активным, инициативным созидателем небывалого доселе на земле по человечности коммунистического общества.

И именно в наших, социалистических, странах перед учителством ставится сейчас такая огромная задача. Задача создания самоуправляющихся машин и

заводов вполне может быть поставлена и решена капиталистическим обществом.

Эта же нет.

Не все еще учителя сейчас понимают меру своей ответственности за успешное решение этой задачи. Не понимает ее часто и молодежь. Но с каждым годом это понимание будет расти.

Грядет Век человека. Значит, век педагога, век воспитателя: ваш век!

Почувствуйте это. Осознайте себя бойцами на самом передовом крае и на самом ответственном участке борьбы.

Без вас ни художники, ни ученые не смогут в плотить в жизнь никакую систему воспитания — даже самую передовую. Не смогут и создать ее. Все мы — ваши помощники.

Но отвечаете за успех дела прежде всего вы.

Среди вас вдвойне нетерпимо равнодущие и бескультурье. Пусть лучше равнодушные уходят с поля боя...

И пусть поймет молодежь — за педагогикой будущее.

Слово к художникам

«Вот вы говорите о значении искусства в воспитании души, этики, мировоззрения... А не красивые ли это слова? Ведь мы знаем, что среди артистов, художников, писателей-профессионалов есть люди, мир души, круг интересов которых так узок, что не только у сегодняшнего рабочего, но и у иного ремесленника прежних лет мир этот был шире, богаче, красивей...»

Так говорили мне не раз, и, к сожалению, иногда это было справедливо.

Но не учитывалось одно. Умение рисовать, играть и сочинять есть признак грамоты профессиональной, свидетельство овладения определенным уровнем ре-

месла. А ремесленными навыками может обладать и человек без богатой, развитой души.

Художники, прекрасно умеющие нарисовать цветок или человека, но не являющиеся наследниками и носителями всей человеческой культуры — следствие общей беды отставания в воспитании от обучения, следствие однобокости учебного процесса и в общеобразовательной и в специальной школе. Профессиональное мастерство еще не культура. И тут мы ничем не отличаемся от агронома или математика.

Да, часто мы, люди профессионального искусства, не находимся на уровне высокой культуры, представителями которой должны были бы быть...

Но от этого никто с нас не может снять ответственности за культуру своего народа. Для нас это еще и профессиональный долг.

Да, без нас, без художников, сейчас невозможно создание цельной и гармоничной системы эстетического воспитания молодого поколения, всего советского народа. Десятки лет еще будет нуждаться школа в нашей помощи.

Никто, кроме нас, не может так глубоко понимать значение широкого распространения художественной культуры в народе для развития самого искусства. В. И. Ленин говорил, что подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую здоровую почву, из которой вырастут мощные неисчерпаемые силы для развития искусств, науки и техники. Нам осуществлять это.

Никто, кроме нас, не знает, не ощущает так глубоко специфику художественных знаний. Никто и не сможет внести ее так полно в Единую воспитательную систему.

У художника сегодня нет и не может быть одностороннего долга — чистого творчества. Наш долг перед народом имеет две стороны: личное творчество и создание условий для того, чтобы богатство искусства, создаваемого нашими современниками и соиздававшегося веками нашими предшественниками, было донесено до народа. Мы — звено в цепи, передатчики эстафеты художественной культуры от прошлых будущим поколениям. Мы отвечаем не только за себя — за всю сокровищницу культуры человечества. Так же как и педагоги.

Настоящий художник — всегда общественный деятель и в той и в другой стороне своего творчества.

Он всегда ответствен.

Лично ответствен.

Тяготение нашего народа к высокой культуре и эстетическому совершенствованию сейчас поистине огромно. Оно не менее сильно, чем некогда было стремление победить неграмотность и темноту.

Наступила пора создать все условия для полного удовлетворения и этой потребности народа. Можно и нужно добиваться, чтобы поняли все: нет человеку пути в коммунизм без широкого культурного кругозора, нет пути без борьбы с примитивным духовным миром, с грубыми, неразвитыми чувствами.

Поэтому закономерно появление в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС целого раздела, озаглавленного: «Формирование нового человека — одна из главных задач партии в коммунистическом строительстве».

Дело эстетического образования в настоящее время пока еще заметно отстает от потребностей народа. Множество писем в газеты и журналы свидель-

ствует о том, как волнует нашу общественность эта проблема, как велико настойчивое желание самых широких масс советских людей овладеть всей глубиной и многообразием культуры.

Можно и нужно добиться, чтобы каждый гражданин нашей страны не только имел возможность — эту возможность ему открыла социалистическая революция, — но действительно пользовался бы всем богатством культуры, накопленным человечеством, был ее подлинным хозяином.

Каждому человеку — все богатство культуры!

Postscriptum

Это так в письмах полагается — postscriptum.

Но ведь эта книга — тоже, собственно, письмо: к моим соратникам, и тем, кто рядом, к тем, кто в пути — и на том же пути. А postscriptum понадобился вот почему.

Один мой товарищ, прочтя книжку в рукописи, сказал: «Здорово, правильно, я со всем согласен, но что же все-таки нужно и можно сделать конкретного, ну, мне, например?»

Признаюсь, я был немножко этим обескуражен. Мне казалось, что в книге и в позитивной и в негативной форме рассыпано даже излишне много этих советов. Я, кстати, их очень не люблю давать, особенно — навязывать. Тем более что ситуаций в жизни так много и они всегда настолько разные, что живому человеку всегда легче идти к конкретному делу от ка-

ких-то общих принципиальных позиций, исходя из своего характера, способностей и местных условий.

Но потом я подумал, что, может быть, все же имеет смысл в конце книги хотя бы наметить основные пути, по которым стоит направлять свою инициативу нашим соратникам. И оттого, что в разных концах страны эта инициатива пойдет не вразнобой, а по основным общим направлениям, дело-то и выиграет и двинется быстрее.

Я глубоко убежден, что в нашей социалистической стране проблема эстетического развития человека является одной из важнейших проблем становления самого общества, и поэтому она может быть кардинально решена только на государственном уровне, на уровне решения тех государственных и общественных организаций, которые за этот участок отвечают перед народом. Именно поэтому мы и приветствуем решение Верховного Совета Армянской ССР по эстетическому воспитанию молодежи. Именно поэтому мы готовы приложить все усилия, чтобы решения Министерства просвещения СССР, наметившие пути и сроки коренной перестройки системы эстетического воспитания, были выполнены.

Вот, кстати, и самые важные дела, к которым каждый — именно каждый! — может приложить свои силы. Ведь не секрет, что любое решение может быть успешно выполнено только (!) на гребне волны подлинно общественной активности. И кем бы ты ни был — старшеклассником, студентом, рабочим, учителем, просто родителем — именно от активности твоей и твоих друзей зависит, появятся ли и как скоро решительные изменения (в данном случае в деле эстетического воспитания молодежи) в твоей республике, городе, селе, в школе, наконец.

Если ты еще школьник и вместе с друзьями-комсомольцами добился создания в школе факультатива по искусствам, ты помог сделал важный шаг. Подумай: если в каждой школе найдется такой «чудак», а может быть и группа «чудаков», хочешь не хочешь, а даже самым коснным людям придется развивать этот успех, быстрее и активнее принимать для этого конкретные решения и выполнять их. А потом появится почва для принятия решений и на высоком государственном уровне!

Создание художественных школ. Мы уже говорили, что сейчас только 1,5 процента детей занимается изобразительным искусством во всех формах внешкольной работы (значит 98,5 процента не занимаются!). А музыкой занимаются 10 процентов. Конечно, это тоже нас не может устроить (90 процентов не занимаются!). Но это уже что-то! А ведь если группа энергичных комсомольцев, родителей, педагогов будет активно добиваться создания в городе или поселке художественной или музыкальной школы, не сомневаюсь — добьется! Настойчивость и убежденность всегда приносят плоды. А ведь, собственно, так и происходит — подобные школы скорее открываются тогда и там, где назрела потребность в них, то есть, попросту говоря, усилилась активная деятельность общественности в этом направлении.

Ведь действительно стыдно, когда на такой огромный город, как Воронеж, приходится всего одна художественная школа.

Может быть, такие школы на первых порах могут создаваться и на общественных началах. Ведь когда грузчик или уборщица берутся создавать кружки по искусству — это, собственно, заявка, требование, обращенное и к художественной интеллигенции и к решающим «педагогическим» организациям: «Что же

вы-то, специалисты, сидите и ждете у моря погоды, неужели не видите, как нам это нужно??!

Что может сделать художник или искусствовед? Каждый — многое, тем более когда за спиной у него мощная организация — Союз художников.

В Прибалтике, например, большинство художников стало шефами школ. И какой это дало результат! Но к успеху здесь привело то, что действовали они не каждый сам по себе: была создана широкая сеть советов по эстетическому воспитанию, объединяющих усилия художников и педагогов. Такой же может быть и помочь в перестройке дела снизу, в каждой республике, в каждом городе. И это возможно уже сейчас: не нужно ни гроша дополнительных средств, а нужна только добрая воля местных органов народного образования, отделений творческих союзов, педагогов, комсомольских работников, художников, музыкантов, писателей, артистов — художественной интеллигенции.

А уже эти советы помогли бы не только улучшению дела в школах, но и открытию вечерних специальных школ, клубов, кружков в ЖЭКах, беря их под свое наблюдение и охрану.

Я не случайно говорю — и охрану. Очень часто рожденные энтузиазмом художников, музыкантов-профессионалов или любителей кружки, например, в ЖЭКах, целиком зависят от доброй воли и каприза домоуправлений. Сколько на моих глазах распалось таких кружков, если их руководители в чем-то не «сходились характером» с хозяевами ЖЭКА... А почему бы не создать, например, типовой договор между ЖЭКом и художником (или музыкантом) с зафиксированными в нем правами и обязанностями сторон и с правом контроля выполнения обязательств, например, теми же советами по эстетическому воспи-

танию. Молодому еще делу всегда нужна защита и внимание. И все станет возможно, если в отношении, например, к кружкам, не будет царить хаос личных желаний и мнений, если сложится система.

Но можно решить затронутые нами проблемы и по-другому.

Вот, в Ереване нашлась группа энтузиастов, она добилась создания первого в СССР Музея детского художественного творчества («Детская картинная галерея»). Удалось убедить городские власти, что городу и республике полезнее будет создать «недоходную» детскую галерею, чем несомненно доходный очередной дегустационный зал. Энтузиастам поверили и дали помещение (действительно вместо зала!), и средства, и кадры. И вот действует в Армении уникальное детское учреждение — и какую приносит пользу!

А ведь в каждом городе, конечно, можно найти в горисполкоме людей, по-настоящему заботящихся о своем городе и его культуре, — найти и убедить их. Разве не под силу это городской комсомольской организации, например?

Я не могу удержаться, чтобы не рассказать несколько подробнее о работе этой галереи, работе удивительно активной. Конечно, сейчас, уже на четвертом году ее существования, когда есть и штат (14 человек), и популярность в стране, работать легче. Но ведь начиналось-то все со штата в один человека. Ведь директор галереи Ж. Э. Агамирова была тогда и уборщицей, и электриком, и оформителем.

Каждый месяц по радио и телевидению рассказывают о работе галереи, всех детей от 3 до 14 лет приглашают приносить свои работы. И приносят работы — и дети, и родители, и учителя. Каждый месяц

в галерее меняется экспозиция. Делаются и групповые и персональные выставки (залы вмещают до 250 работ). Такие вернисажи — события для детей города (а значит, и для родителей и для учителей!).

Школы стали организовывать свои «Малые галереи» — и они стали аванпостами центральной. Фактически галерее удалось втянуть в свою деятельность весь город, и не только город — всю Армению. Она стала явлением в культурной жизни Еревана, стала притягательным центром не только для детей и юношества.

А как это изменило отношение учителей и родителей ко всему делу эстетического и художественного воспитания!

Галерея устраивает выставки произведений не только армянских детей, но и детей из других республик. Дети из других стран тоже получают здесь трибуну. Огромное поле для международного воспитания!

Пользуясь уже сформировавшейся привычкой и любовью детской аудитории, дирекция широко открывает двери перед взрослыми, профессиональными художниками, выставляет и факсимильные репродукции классиков.

Какие широкие возможности открываются перед галереей в художественном развитии и детей и взрослых! Она не ждет зрителя пассивно — выставки устраиваются в отдельных районах города и республики. Вокруг них развертывается активная лекторская работа с детьми, родителями, учителями...

Я так подробно говорю об этом потому, что мне завидно... Сколько подобного мы могли бы сделать в Москве и Ленинграде, Киеве и Ташкенте — в любом крупном городе! Ведь энтузиасты есть везде.

Но на одном энтузиазме такое дело не поднять.

Однако искать и добиваться можно. Можно везде, как в Ереване... или как в той же Пархомовке.

Я глубоко убежден, что настоящая любовь, настоящее понимание искусства могут родиться только через личное общение с оригинальными художественными произведениями. Конечно, прекрасные репродукции (факсимильные) дают некоторое ощущение подлинности, но где они?! Однако настояще ощущение общения с искусством дает только подлинник. Именно поэтому огромно принципиальное значение сельской картинной галереи в Пархомовке. Это правильный путь. Это пример не только верный, но и реальный.

Колхозы, совхозы, предприятия тратят огромные деньги на искусство. По стране — это многие миллионы. На что идут эти деньги?

Большей частью на работы временные, оформительского плана. Даже станковое искусство (картины) заказываются и используются часто лишь как элементы оформления клубных или иных общественных помещений и чаще используются как плакаты «наглядной агитации». Поэтому они быстро морально и материально амортизируются и заменяются новыми. К сожалению, работников клубов большей частью никак не готовят к квалифицированному использованию произведений монументального и станкового искусства. Предъявляя к нему такие же требования, как к плакату, они в этом же направлении формируют и вкусы зрителя, и работу художника.

Я видел в клубе в одном из сел в Молдавии очень хорошую фреску художника Богдеско. Через два года она уже была поцарапана и напротив были повешены странные ремесленные портреты и полусамодеятель-

ная, написанная масляными красками картина, ни по смыслу, ни по пластике ничего общего с росписью не имеющая. А роспись художественно решала весь интерьер.

Как часто при очередных ремонтах такие росписи замазываются, а станковые работы выносятся в сараи, на лестничные клетки, где отсыревают, проминаются, прорываются и, наконец, списываются как утратившие ценность.

И огромные народные деньги, использованные вроде бы на художественное воспитание и обогащение трудящихся, не приносят равнозначного затратам результата в развитии культуры народа.

А ведь можно и по-другому!

Именно в этом плане примером может служить пархомовская галерея. Если уж без затраты средств можно было собрать такой прекрасный музей в селе, то какие же музеи, галереи могли бы собрать предприятия, совхозы, колхозы, используя для этого хотя бы часть средств, ассигнуемых на культурно-массовую работу. Вот где можно было бы произведениям искусства дать соответствующий их задачам круг деятельности, вот где можно было бы доносить произведения искусства в подлиннике до каждого человека (и юного, и старого), вот где деньги народные, использованные «на искусство», давали бы народу 100 процентов отдачи — и через воспитание зрителей, и через развитие самого искусства.

И такой музей мог бы иметь каждый более или менее крупный поселок. Если же создание его не под силу одной организации, можно сделать это на кооперативных началах, как создаются сейчас крупные сельскохозяйственные предприятия. Крупные культурно-просветительные предприятия наверняка этого заслуживают.

Мне вообще кажется, что пора нам найти и использовать повсеместно наиболее соответствующие сути каждого вида, жанра искусства формы его участия в жизни. В частности, сейчас хуже всего используются станковые произведения изобразительного искусства. Когда мы вешаем станковую картину в столовой, фойе клуба или кинотеатра, в танцзале, хотим мы этого или не хотим, но картина воспринимается как оформление помещения и играет скорее ей несвойственную роль прикладного искусства, декоративного украшения. Такое использование станковых картин не может не повлиять и на представление о роли искусства, складывающееся у зрителя.

Надо признаться, что и среди нас, художников, есть разные мнения о так называемом «музейном взрыве». Сейчас становится невозможno пропускать через ведущие музеи Ленинграда, Москвы все возрастающий поток зрителей. Сложились поэтому две крайние точки зрения. Одни стали предлагать закрыть музеи для широкого, свободного потока зрителей и сделать посещение их чем-то вроде награды или приза. Другие предлагают иной путь: вынесение некоторых произведений искусства из музеев в жизнь — в метро (как это сделал в Париже Лувр) и в другие широко и легко доступные места. Иными словами, всю городскую среду использовать как музейную территорию.

Вообще, вторая позиция кажется мне очень заманчивой. И наверное, на этом пути можно найти верное решение. Действительно, может быть обеспечено решительное расширение круга зрителей. Но есть тут и одна опасная крайность.

Количество зрителей отнюдь не главная цель в общении с искусством. Глубина такого общения, глу-

бина воздействия искусства на каждого зрителя — вот смысл и суть.

Я сильно сомневаюсь, что можно слушать симфонию или оперу во время товарищеской пирамидки, между бокалом вина и шашлыком. Я думаю, даже в фойе кинотеатра нельзя слушать симфонию. Не все можно и нужно делать «между делом». Особенно это опасно в искусстве. Это может привести к очень серьезным искажениям и смешениям в духовном развитии человека.

Я не верю, что можно «на ходу» воспринять «Блудного сына» Рембрандта, или «Меншикова в Березове» Сурикова, или «Крестный ход в Курской губернии» Репина.

Встреча со сложными, многогранными, многоплановыми произведениями искусства (например, станковых форм живописи) должна быть праздником для человека. На эти встречи человек и должен идти, как на свидание, как на праздник, духовно собравшись, специально подготовившись к этому свиданию. Только тогда и может произойти подлинный контакт с произведением искусства, вхождение зрителя в духовный, эмоциональный мир произведения.

Нет, не фойе кинотеатров, не стены кафе и ресторанов могут быть и должны быть ведущим, главным местом встречи изобразительного искусства со зрителем.

Не между прочим — специально!

Симфонию следует слушать не «между делом», не в фойе, а в концертном зале. Оперу — в оперном театре.

Едва ли «Мать» Якубониса — одно из наиболее трагических произведений монументальной скульптуры — можно было бы уменьшить и поставить в вести-

бюле клуба или, даже не уменьшая, поставить в парке культуры и отдыха: мы этим во многом уничтожили бы ее содержание.

И вынесение картин из запасников в городскую среду я представляю скорее как цепь маленьких музеев: вплоть до «музея одной картины», где все сделано для ее лучшего восприятия.

Вполне возможно продвинуть сеть таких музеев (филиалов) до заводов, совхозов, колхозов, а значит, и построить музейную работу так, чтобы она велась не только в областных и районных центрах, но и в крупных рабочих поселках и селах.

На мой взгляд, все это в наших силах, в наших возможностях. Просто несколько иное для этого нужно использование средств и человеческой энергии.

А какими бы эти галереи стали центрами для духовного и культурного подъема села! Признаюсь, перспективы продвижения художественной культуры на село меня особенно тревожат. Хотя, мне кажется, есть один сложный, но реальный путь привлечения творческой художественной интеллигенции на село даже без отрыва ее от тех культурных центров, где ей тоже нужно быть, — в гуще художественной жизни.

Мне хотелось бы услышать клич: «Художники, музыканты, писатели — вас ждет село, будьте там не туристами, не гостями — товарищами в работе!»

У Союзов художников, композиторов, писателей, у ВТО есть свои дома творчества, прекрасно оборудованные, прямо санатории!

Творческие работники с великим удовольствием едут туда работать. Жизнь на всем готовом, ни о чем не надо думать, кроме своей работы, своего творчества. Эти дома творчества сыграли огромную роль в развитии искусства молодых художников областей и республик.

Но такие большие скопления в одном месте художников имеют и свои отрицательные стороны. Большой частью художники не входят как свои люди в жизнь этого района, где расположен Дом творчества, и в основном общаются между собой.

А что, если бы...

Вот представьте себе, что богатый колхоз или совхоз выделил домик (пару квартир), выделил средства для питания за счет колхоза двух-трех творческих работников в течение нескольких месяцев в году (а может быть, таким образом и весь год)...

Художник, композитор, писатель будет приезжать сюда уже не как гость, подружится с людьми, будет в курсе их интересов, втянется в их интересы, их жизнь, станет как бы членом большого производственного коллектива.

Кто знает, какие интересные увлекательные мысли, темы, решения родятся у этих «осевших» в «своем» колхозе — писателей, композиторов, художников! Я не сомневаюсь — их будет много. Искусство от этого только выиграет! Живой талант при столкновении с реальностью жизни не может не дать творческого взрыва, молний мысли, рождающих замыслы. Ни в одном профессиональном Доме творчества такой острой реакции на жизнь художник проявить не может.

Но не только искусство будет получать прямую пользу. В «договор» между художником и колхозом или совхозом должна входить и прямая отдача профессионального труда и знаний деятеля искусства сельским труженикам: через работу кружков, клубов любителей искусств, выставки, лекции и беседы. Огромное поле деятельности для художника! Постоянное общение с художником, простые дружеские

беседы об искусстве — в поле, в клубе, дома за чашкой чая — из года в год будут менять эстетическое развитие жителей села, особенно молодежи. Интересы и проблемы искусства перестанут быть для них чем-то чуждым.

Да, такое сотрудничество было бы обоядно выгодно! Зрители приближаются к искусству, художники приближаются к жизни. Выигрывает вся художественная культура народа.

Мне кажется, что эта мечта — вполне возможная реальность.

Признаюсь, если бы ко мне пришел с таким предложением дружбы и сотрудничества председатель какого-либо колхоза или совхоза, я бы не отказался! Не отказались бы многие. А ведь у нас тысячи художников, музыкантов, писателей... Это тысячи сел, рабочих поселков, это десятки тысяч новых любителей искусства, приобщенных к искусству людей... А ведь эстетическое развитие — это цепная реакция...

Да, много путей есть для того, чтобы началась эта реакция. Но несомненно, что в начале дела обязательно должен стоять живой, неуспокоенный, ищущий человек. И несомненно, что общественные организации — конкретной помощью, живые люди — делом, соучастием должны создавать этому активному атому человеческого общества наиболее выгодные условия для начала и развития цепной реакции подъема эстетической культуры советского народа.

И дело, думается, сейчас не в том, чтобы выдумывать формы работы (их создано много, и они достаточно известны всем). Надо пополнить их содержанием — активной, не боящейся трудностей и целенаправленной деятельностью.

Встревожьтесь!

Станьте тем человеческим атомом, с которого в вашем городе, в вашем селе, в вашей школе, в колхозе, на вашем предприятии начнется цепная реакция движения к высокой культуре будущего.

Распахните в него окно!

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Вместо предисловия	8
Подступы	
Мерой будущего	13
У истоков	18
Жизнь без искусства	28
Художник + зритель = искусство	42
Воспитание духовных потребностей	59
Решения	
Шаги	93
Поиски энтузиастов	104
Опыт государственных решений	113
Зарубежные поиски	120
Единая система эстетического развития	135
Действия	
Слово к участникам	164
Postscriptum	174

Неменский Б. М.

Н50 Распахни окно. М., «Молодая гвардия», 1974.
192 с. 50 000 экз.

Художник Б. М. Неменский делится с читателем своими мыслями о необходимости активной борьбы за глубокое эмоциональное и художественное воспитание, развитие каждого человека.

Н 80101-24
078(02)-74 Б3-32-15-73

371.013

Неменский Борис Михайлович

РАСПАХНИ ОКНО

Редактор Л. Фирсова

Художник А. Гольдман

Художественный редактор А. Романова

Технический редактор З. Ходос

Корректор К. Пипикова

Сдано в набор 25/XII 1973 г. Подписано к печати 20/IV 1974 г. А01322. Формат 70×108^{1/2}. Бумага № 1. Печ. л. 6 (усл. 8,4). Уч.-изд. 7,2. Тираж 50 000 экз. Цена 29 коп. Б.З. 1974 г., № 32 п. 15. Заказ 2405.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

В ближайшее время в издательстве «Молодая гвардия» выйдут книги:

«Навечно в памяти народной» — расширенное переиздание сборника, рассказывающего о наиболее значительных мемориальных ансамблях, скульптурных, живописных и других памятниках, увековечивших мужество и доблесть героических защитников Родины, героев гражданской войны, доблестных солдат Советской Армии и партизан.

С. КОНЕНКОВ, Земля и люди — новое издание автобиографических заметок советского скульптора, Героя Социалистического Труда.

А. ПИСТУНОВА, Из сердца — рассказ о творчестве лауреата Ленинской премии Л. Зыкиной. К части тиража этой книги будет приложена грампластинка.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Ваши отзывы об этой книге высыпайте по адресу: 103030, Москва, К-30, Сущевская 21, издательство «Молодая гвардия».